

18+

Бахтиёр
Ирмухамедов

Избранные
нетленки
в одном
томе

Бахтиёр Ирмухамедов

Избранные нетленки в одном томе

«Издательские решения»

Ирмухамедов Б.

Избранные нетленки в одном томе / Б. Ирмухамедов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-985781-1

Данный однотомник составлен из моих лучших стихотворений за весь период творчества, расположенных в основном в хронологическом порядке. В книгу включены и новые произведения, созданные во второй половине 2019 года и в начале 2020 года. Прошу считать этот сборник моим скромным вкладом в сокровищницу великой русской поэзии.

ISBN 978-5-44-985781-1

© Ирмухамедов Б.
© Издательские решения

Содержание

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ	10
«Ветер свистнул...»	11
«В который раз я говорю себе...»	12
«Девушка в платье атласном...»	13
«В этот мир, безнаказанно грубый...»	14
«В душе гнездятся вороны ...»	15
«Льётся льётся синий вечер...»	16
МАЙСКОЕ	17
«Обычно люди в грусть впадают...»	18
СОСЕДИ	19
БРИЧМУЛЛЯНКЕ	20
КУДА?	21
«Я живу не в Париже...»	22
«Был я молод, были силы...»	23
«Если друг тебя обманет...»	24
«Я иду к тебе по зову сердца...»	25
БЕЛЫЕ СТИХИ	26
БЕГ ПО ИНЕРЦИИ	27
«Какой я есть – такого принимай...»	28
«Я не бури боюсь, я не мрака боюсь...»	29
«Пора и мне, мой друг...»	30
«Вьюга, провой мне холод...»	31
«Гром гремит, гроза грохочет ...»	32
«Время несётся вскачь...»	33
АБСТРАКЦИЯ	34
«Успокоились ветра...»	35
«Трудно представить мне...»	36
«Просьпаюсь ночью, слышу вдруг, как липы...»	37
«Я тебя не любил ни в апреле, ни в мае, ни после...»	38
«Я беден, как дервиш...»	39
«Нанеси мое имя на клочок листопада...»	40
ОСЕННИЕ СУМЕРКИ	41
СОНЕТ	42
«Я чувствую, как ты меня не ждёшь...»	43
«Налей мне бренди-тини...»	44
«Оттого ль, что бессчётны потери...»	45
«Сегодня – день воспоминаний...»	46
ВАМ	47
Я ВЕРНУЛСЯ	48
ПАРК	49
Я – ТВОЙ	50
«Твои глаза с оттенком в осень...»	51
ЧУЖОЕ	52
ШИПЫ В САДУ	53
«Когда идёшь сквозь ночь к стихам...»	54
«А жизнь проходит, жизнь проходит...»	55

«Поизносились наши годы...»	56
«Если я не вернусь из далёкой тайги...»	57
РЯДОМ	58
«У меня украли песню...»	59
КОПАЯСЬ В АРХИВАХ	60
ВЕСЕННЕЕ	61
«Когда я умру неожиданно, вдруг...»	62
ВОПРОСЫ	63
«Мы шли с тобой рука в руке...»	64
КРУГ	65
НЕИЗБЕЖНОСТЬ	66
ВЕНОК	67
УЧАСТЬ	68
К Ш...	69
ФАТА-МОРГАНА	70
ПРИЖИЗНЕННЫЙ РЕКВИЕМ	71
«А в дверь стучали, зная, что...»	72
ПРЕДНОВОГОДНИЕ СТАНСЫ	73
«Ты родилась довольно поздно...»	74
Н.В.	75
ЗДЕСЬ	76
«Воздух промыт дождём...»	77
РОЗА	78
ЭЛЕГИЯ	79
НАВАЖДЕНИЕ	80
УТРО	81
ИСХОД	82
«Не сохранить души во злате...»	83
УИКЭНД	84
«Ты – женщина, с которой мне спокойно...»	85
«Есть люди...»	86
ПОСЛЕДНЕЕ ЖЕЛАНИЕ	87
«Я жалею, что мне довелось...»	88
О ПРОШЛОМ И БУДУЩЕМ	89
АЗАРТНАЯ ИГРА	91
ИЗДЕРЖКИ МОЛОДОСТИ	92
НЕПОДВЛАСТНОЕ ВРЕМЕНИ	93
«К вам обращаюсь я, братья во Пушкине...»	94
КОНЕЦ ВЕКА	95
«Мы стареем бесшумно и быстро...»	96
«Раскрепощённая фривольна...»	97
ГРУСТНЫЙ ОПЫТ ЖИЗНИ	98
«Мне больно видеть, как в твоих глазах...»	99
СКАЗОЧНАЯ НОЧЬ	100
ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ	101
«Во дни, когда иссохнут слёзы...»	102
«Не пытайтесь унижить поэта...»	103
«И в строках, и в строфах, и в песнях, и в одах...»	104
ДАБЛРУБАИ	105

«Пронеслось. Улеглось. Отзвучало...»	106
ПОГОВОРИ	107
ПОСЛЕДНЯЯ ПОСЛАННИЦА	108
«Ты привыкла играть ежедневно...»	109
«По ухабам ночных звездопадов...»	110
«Поймёшь и ты – настанет срок, ...»	111
«Как долго я старею...»	112
«Мне хочется, чтоб ты была со мной...»	113
ТЫ ПОЛЮБИЛА!	114
«Мне придётся уйти из твоих лабиринтовых буден...»	115
НАВЕРНО	116
НЕИЗБЕЖНОСТЬ	117
«Ты спросила у моей печали...»	118
«...И век мне воли не видать...»	119
«И эта осень мне не удалась...»	120
«Ты лишена романтики любви...»	121
«Ход времени жесток и неподвластен...»	122
КОБРА И МАНГУСТ	123
«Есть человек – и, значит, есть сомненья...»	124
«Весь мир – театр, и люди в нём – актеры», ...»	125
«Никто нам не скажет, куда подевались...»	126
ИЗГОЙ	127
«Ну! соверши свою ошибку...»	128
«И опять я, как встарь, одинок...»	129
«О боги вечные! О боги дальние!..»	130
«Дадут ли мне спокойно умереть...»	131
«Я скажу тебе: «Здравствуй» после долгой разлуки...»	132
«Томно кудри на плечи роняла...»	133
ЗВЁЗДНОЕ	134
«Мне надоело маяться...»	135
«Пусть твои воспалённые взоры...»	136
«Ты стала чаще приходить...»	137
«А я любил, любил тебя...»	138
«Благодари судьбу, живущий...»	139
«Спроси себя: зачем живу?...»	140
«Для меня этот год – это год катастроф...»	141
«Я вышел из джунглей пороков мирских...»	142
«Я хотел бы тебе рассказать голоса...»	143
«Я придумал тебя из моих огорчений...»	144
«В сонном шорохе осеннем...»	145
«Приходите, друзья, приходите...»	146
«Одинокая в небе луна...»	147
«Не обретёшь врага, сдаваясь...»	148
«Я побывал в садах Семирамиды...»	149
АЛИ КУШЧИ	150
«Я не могу отречься от бывшего...»	151
«Не меня ли ищешь, ветер легкокрылый?...»	152
«Я заставлю мечтать обречённую душу...»	153
«Есть что-то заветное в тихой тоске...»	154

«Я нашёл тебя среди пустыни...»	155
«Не мой ли сон минувшей ночью...»	156
«Взмахни ветвями, взлети и взвейся...»	157
«Есть высокое чистое чувство...»	158
«Я ничуть, нисколько не жалею...»	159
«Не страдал, не мучился, не плакал...»	160
«Откуда глаз твоих надрыв? ...»	161
«Стихи не пишутся – стихи рыдаются...»	162
«А что она пела? Про что она пела?...»	163
«А ты способен на полёт ...»	164
«Настанет срок – и я умолкну...»	165
«О душе, о душе, о душе...»	166
«Распоясался ветер дурманной...»	167
«Я к тебе вернулся из разлуки...»	168
«Если мир непонятен и грозен...»	169
ЗАФАРУ	170
ТОСКЛИВАЯ ЛЮБОВЬ	171
«Люди едой озабочены ...»	172
ПРОРОК	173
ПЕВЕЦ	174
ТЕБЕ	175
ПРО ЛЮБОВЬ	176
«Напомни мне, о Муза Плача...»	177
«Моей ли жертвой усомнишься...»	178
Ш.	179
ТЬМА	180
«Если я тебя увижу в белом сне...»	181
«Из того, что написано...»	182
ГЕНИЙ	183
«Мне кажется, что рано или поздно...»	184
«На обиженных возят воду...»	185
ГОЛУБИ	186
ПРО ВАС	187
«Я пронесу мой крест до самого конца...»	188
КЛЯТВА	189
КНИГА ЖИЗНИ	190
ВЕСЕННИЙ ВЕТЕР	191
«Как всё красиво начиналось!...»	192
«Подальше от людей, куда-нибудь в тайгу...»	193
«Не бреди заживших ран...»	194
«Образ стройный, образ нежный...»	195
«О, не лишай меня возможности любить! ...»	196
«Опадает листва на аллеи...»	197
«Ты выбрала себе не тех подруг ...»	198
«Ты предпочла меня предать...»	199
«Пусть ничтожные будут ничтожны...»	200
«Не грусти, не печалься, не плачь...»	201
«Перестань, дорогая, тужить...»	202
«Любимая, выслушай! Я не виновен...»	203

«Я вышел ночью навстречу звёздам...»	204
ВОПРОСЫ – ОТВЕТЫ	205
«Больше не надо, больше не надо...»	206
«Когда во мне проснулся дар...»	207
«Как сильно я в тебе ошибся!..»	208
«Земля дышала полночной дрёмой...»	209
«Я не повесился вчера...»	210
«Спасибо, милая, за твой отказ...»	211
«Я был когда-то радостным...»	212
«Погрузившись в заумные книги...»	213
СНОВА ВМЕСТЕ	214
«Угомонись! я больше не могу...»	215
ГАЛИНЕ	216
ЗВЕНЬ	217
ПУТНИК	218
НАЙДИ МЕНЯ	219
«Я не смог объяснить...»	220
О ЛЮБВИ	221
«О, не спеши! – разлука подождёт...»	222
ПРОСТИ МЕНЯ	223
«Я не выдумал эти страдания...»	224
НЕВЫРАЗИМОЕ	225
«Я сегодня, весёлый и сильный...»	226
ВОЛК-ОДИНОЧКА	227
«Когда подлец улыбкой блудной...»	229
«У тебя я, конечно, не первый...»	230
«И если мир вдруг вздумает прославить...»	231
СЕГОДНЯ	232
«Я всё равно люблю тебя...»	233
ДЕРВИШ	234
СПАСИБО	235
«Нет, ты не вспомнишь обо мне...»	236
«И мне хотелось быть таким...»	237
«Ты не сказала «До свидания...»	238
«Сегодня я создам стихи...»	239
КРАСОТКЕ	240
«У меня была зазноба...»	241
ПОЗДНЕЕ ПРОЗРЕНИЕ	242
ПЕСНЯ	243
НЕОБХОДИМОСТЬ	244
«Если повсюду гады...»	246
ДЕВУШКА В ТЁМНО-СИНЕМ	247
НОВАЯ ПЕСНЯ	249
Конец ознакомительного фрагмента.	250

Избранные нетленки в одном томе

Бахтиёр Ирмухамедов

© Бахтиёр Ирмухамедов, 2020

ISBN 978-5-4498-5781-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Каждой жизни срок отмерен —
В это раньше верил я.
Но теперь я разуверен
Песней Вечного огня.
И отныне бесконечно
Буду петь я всем простое:
Если жить, то жизнью вечной!
А на время – жить не стоит.

«Ветер свистнул...»

Ветер свистнул,
Как будто ударил в висок.
Что ж ты, ветер,
Внезапен, как горе?
Неужели нельзя
Взять потише свисток
Или шум нагнетать
Постепенно,
 как море?
Ведь прошли времена ураганов и бурь,
Времена свистобуйства и тряски.
Современник
 оценит в наивную дурь
Твою бурную веру
В великие сказки.
Не пытайся
 ему
 доказать, что убог
Избегающий краткого горя.
Ты возьми лучше, ветер,
Потише свисток
Или шум нагнетай
Постепенно,
 как море...

«В который раз я говорю себе...»

В который раз я говорю себе:
Не будь безвольным в собственной судьбе,
Не обращай внимания на беды,
Ты – человек! Ты создан для победы!
Не должен ты в невзгодах угасать —
Ты должен ярко жить и побеждать!
Так говорю... и всё же угасаю:
Ведь я путей к викториям не знаю...
Одно лишь утешеньем служит мне —
Что встречу я когда-нибудь в стране
Того, кто слово доброе мне скажет
И верный путь к сражениям укажет.

«Девушка в платье атласном...»

Девушка в платье атласном
С ликом открытым и ясным
Мимо меня просияла
И ничего не сказала.
Девушка, прелесть, по стойте!
Словом меня удойте!
Дайте сказать мне глазами
То, что Вы знаете сами.
Улица так многолюдна,
Но не заметить Вас трудно:
Я и слепым Вас замечу —
Я ведь искал этой встречи!
Я – не обычный прохожий,
Сердцем на Вас я похожий:
Так же открыто и ясно
Светит оно... Но напрасно!
Девушка очи отводит
И лучезарно уходит.
Девушке я безразличен:
Видно, как все, я обычен...

«В этот мир, безнаказанно грубый...»

В этот мир, безнаказанно грубый,
Мы явились с тобой как упрёк,
Чтобы слить наши нежные губы
В поцелуе, отвергшем порок.

Ты в мои углубляешься думы,
Я в твои погружаюсь мечты.
А вокруг все так зло и угрюмо
От ненужной пустой суеты.

Но не важно нам, что там творится
С миром вечно безумных людей,
Коль случилось друг в друга влюбиться
Нам на фоне мучительных дней.

«В душе гнездятся вороны ...»

В душе гнездятся вороны —
Мне не спасти себя.
На все четыре стороны
Я отпущу тебя.

Иди. Вдали от прошлого
Ты, может быть, найдёшь
Романтика дотошного,
Не верящего в ложь.

А мне с обманом радостней,
А мне с обманом – блажь...
Чем жизнь для нас безжалостней,
Тем сладостней мираж.

«Льётся льётся синий вечер...»

Льётся льётся синий вечер
Звёзды выплыли на небо
Месяц-парус ветром всвечен
В Млечный путь на самый гребень
Что ты делаешь Природа
В душу рвутся вдохновенья
Вижу дальше небосвода
И галактик слышу пенье
Я взорвусь наверно вздохом
Разлечусь и в пух и в перья
Оттого что чудно плохо
Мне от этого безмерья
Пожалей возьми обратно
Волшебства свои святыя
Лишь одной тебе понятны
Их иллюзии живые
Нет постой я не осилю
Слабость мига отказаться
От паренья в звёздной сини
Я готов готов взорваться

МАЙСКОЕ

Колобродит Весна.
 Вся Природа бушует и стонет.
В круговерти страстей
 сымитировать проще любовь.
В нежно-ложных речах
 чьи-то судьбы невинные тонут,
Чьи-то чистые души
 уже фонтанируют кровь.
О, как трудно найти в лабиринте пьянящего мая
Тот единственный путь,
 где в конце не наткнёшься на крест!
И наощупь идёшь, спотыкаясь о призраки рая
И внимая фанфарам как будто бы слышных фиест.
Все идёшь и идёшь...
 нищ, как дервиш,
 нет хлеба в котомке,
И не ведаешь вовсе, сойдёт ли когда благодать...
Что завещано нам,
 то оставим мы нашим потомкам:
Ничего не прибавить к наследству
 и нечего взять.
И до смерти бродить,
 ничему, кроме страсти, не веря,
И до смерти искать,
 сам не зная, чего и кого,
Превращая себя не то в слизь,
 не то в пыль, не то в зверя,
И, плюя, отрекаясь от клятв, от надежд, от всего.
А Весна всё бурлит, колобродит,
 кипит, шарлатанит;
Увлечённо любовь имитируют все, кто не мёртв;
И как будто влюблённые дружно друг друга таранят,
Соревнуясь в кустах, кто кого переспит, перемнёт.
И запуталось всё
 в этих майских изменчивых кущах,
Так запуталось, что и себя, потеряв, не найдёшь.
И в толпе бестолковой,
 куда-то безвольно текущей,
Запрокинув на плечи рога,
 всё идёшь и идёшь...

«Обычно люди в грусть впадают...»

Обычно люди в грусть впадают,
Когда их властной толпой
Незримо годы окружают
И обливают сединой.
Но Вы же, Катя, не грустите,
И, слёзно в зеркало глядясь,
Обратно младость не зовите:
Она глупей намного Вас.
Она – кокетлива, вертлява,
Капризна, суетна, пуста
И возмутительно писклява,
И самоцельно нечиста.
Пускай не всё у Вас сумелось,
Не всё до сути понялось,
Зато отныне с Вами зрелость
И всё, что раньше нажилось!

СОСЕДИ

– Мы с Вами видимся так редко
В сей суете земных сует,
Как будто Вы мне не соседка,
Как будто я Вам не сосед.
Хочу я видеть Вас почаще,
Желательно, наедине,
Чтоб слышать голос Ваш журчащий
И забывать о седине.

– Уж не влюбились ли в меня Вы?
Вот, право, было бы смешно!
Иль Вы таите план лукавый?!
Но в Ваши годы-то – грешно!

– О, что Вы, что Вы, ангел чистый! —
Мой звёздный час уже прошёл.
И никакой не аферист я:
Мне с Вами просто хорошо!

БРИЧМУЛЛЯНКЕ

Хоть иногда под небом Бричмуллы,
Где жизнь полна веселья и огня,
Уйдя под сень какой-нибудь скалы,
На миг короткий вспомни про меня.

Хоть иногда, от отдыха устав,
Когда спадёт курортный легкий зной,
Не пропуская звуков сквозь уста,
Ты мысленно поговори со мной.

Хоть иногда, когда пансионат
Свой праздный шум подарит тишине,
И в чистом небе звёзды заблестят,
Ты пожелай спокойной ночи мне.

А здесь, в аду ташкентской суеты,
Всё это время, мучимый тоской,
Я буду помнить все твои черты
И говорить без умолку с тобой.

КУДА?

«О царственный Нигер...».

Н. Гумилев

«Куда ж нам плыть?...».

А.С.Пушкин

Что делать мне в Африке знойной, мой друг,
Если там нет твоих глаз, твоих рук,
Если в сахарских песках ни одной
Нет и песчинки, что зналась с тобой?
Нет и в Америке места такого,
Где б цвела тень силуэта родного,
Где б хоть один небоскрёб безупречный
Мне бы напомнил любимые плечи.
Да и в Европе унынье царит:
Лондон, Париж, Люксембург и Мадрид
Лишь в ожиданье твоей красоты —
Их не почтила присутствием ты.
И Австралийский мне остров не нужен,
Он без тебя сиротлив и недужен:
Ни кенгуру там тебя не встречала,
Не удивлялся тебе и коала.
А Антарктиду я вовсе забыл:
Льдам недоступен твой яростный пыл;
Если б хоть раз ты ступила туда,
Сколько бы айсбергов было тогда!
Я ни одной не поддамся интриге
И ни одну не приму я хвалу:
Если и ехать куда, о мой Нигер,
Так только в святую навек Бричмуллу!

«Я живу не в Париже...»

Я живу не в Париже,
Не у вечных полей,
А значительно ближе
К золотой Бричмулле.
Я живу и не знаю,
Что есть город Милан,
Потому что и раем
Служит мне Бричмулла.
Я не пел итальянкам
Серенады с гондол,
Но я брёл к бричмулляторке
Сквозь Чарвакский котёл.
Не хочу я в Сорренто
В романтической мгле,
Ибо умер в Ташкенте,
Но воскрес в Бричмулле!
И пускай на планете
Много красочных мест,
Но Чимганское лето —
Это мой Эверест!

«Был я молод, были силы...»

«Что пройдёт, то будет мило».

А.С.Пушкин

Был я молод, были силы,
Были звёзды, сны, веселье,
Были друзья, песни были,
Были дни как ожерелье,
Были сочные подружки,
Были чувства, счастье было...
Но под гимн слепой кукушки
Всё прошло; что было – сплыло...
Неужели это мило?!

«Если друг тебя обманет...»

Если друг тебя обманет,
Если друг тебе солжёт,
Говори: он перестанет,
Говори: он всё поймёт.
Но когда в житейской буре,
Струсив, друг тебя предаст,
Промолчи, главу понутив:
Ничего твой крик не даст.
В то же самое мгновенье
Выбрось труса из души
И о дружбе сожаленье
В сердце верном заглуши.
Но всегда храни надежду,
Что во время грозных вьюг
Вдруг появится сердешный,
Настоящий, сильный друг.

«Я иду к тебе по зову сердца...»

*«Путник, в лазурь уходящий,
Ты не дойдёшь до пустыни...».*
С. А. Есенин

Я иду к тебе по зову сердца:
Ты одна осталась на Земле,
Для кого я вспоминаю детство,
Где я плыл на белом корабле.
Ты одна из множества живущих,
Кто со мной поплыл на корабле
В светлые просторы дней минувших,
В дали, неподвластные хуле.
Ты одна, кто, позабыв обиды
И увидев светлое во мне,
Воплотила миф кариатиды
В жизнь мою, тонувшую в вине.
Ты одна – кого я так измучил, —
В чьих глазах я лучше, чем я есть,
И кому я никогда не скучен
Ни в былом, ни в настоящем, здесь.
И когда я вспоминаю детство,
Жизнь свою и всё вокруг кляня,
Я иду к тебе по зову сердца:
Ты одна осталась у меня.

БЕЛЫЕ СТИХИ

– *Тук, тук, тук!*

– *Войдите.*

Если мне позволит Небо
И Земля не будет против,
Я войду в глаза Нигоры
И останусь в них надолго,
До последнего дыханья.
Я войду в глаза Нигоры
Не дрожащим отраженьем,
А войду эфирным духом.
Я войду в глаза Нигоры,
Как ветра в долины входят —
Всеобъемлюще и нежно.
И когда в глазах Нигоры
Отыщу приют желанный,
Отрекись я от Вселенной,
Ибо я в глазах бездонных
Обрету её другую.
В той Вселенной всё – как в сказке:
Каждый миг – явленье чуда;
Но из всех чудес несметных
Чудо чудное – Любовь!

БЕГ ПО ИНЕРЦИИ

Бегу от одиночества,
От самого себя
В пустыню стихотворчества,
В безлюдность бытия.
Бегу в безмолвья дальние
От прежних сумасбродств,
Спасая сны астральные
От явственных уродств.
Бегу от боли тягостной,
Навязчивой, как тень,
Что я не встречу с радостью
И в мой последний день.
Бегу, бегу как версия
Того, чем дышит век,
И знаю, что инерция —
Мой полумёртвый бег.

«Какой я есть – такого принимай...»

Какой я есть – такого принимай
Или отвергни. Только не страдай!
Влюблённые из века в век всё те же:
Вначале каждый день свиданье – рай,
А после рай – свидания пореже.
Ты это помни и не причитай:
О счастье жизни, где же ты, о, где же?!

«Я не бури боюсь, я не мрака боюсь...»

Я не бури боюсь, я не мрака боюсь,
И не страшен мне подлый убийца —
Погрузиться боюсь в беспросветную грусть:
Я боюсь безответно влюбиться.

«Пора и мне, мой друг...»

«Пора, мой друг, пора...».

А.С.Пушкин

Пора и мне, мой друг,
туда, где нет соблазнов,
Туда, где нет любви,
страстей, где нет измен:
Я отгулял своё
торжественно и праздно,
При жизни превратив
свою судьбину в тлен.
Там тихо и темно:
ничто не потревожит
Ни трапезы червей,
ни спящих без конца,
Ни боль твою, ни мысль,
которая так гложет,
Когда не видишь час
любимого лица.
Пора, мой друг, пора!
И чем скорей, тем лучше:
Пресытившись людьми,
пресытил их и я.
Как пагубность плевка
не ведает плюющий,
Так не поймёт вовек
меня любовь моя...

«Вьюга, провой мне холод...»

Вьюга, провой мне холод,
Сердце прожги мне снегом.
Был я когда-то молод
Под лучезарным небом.
Ныне не так, как прежде:
Небо – черней болота;
Места в нём нет надежде:
Я потерял кого-то.
Но вот кого – не помню:
В памяти только дыры.
Я уже свыкся с болью,
Как и со смертью лиры.
Больше не слышу песен,
Больше не вижу солнца,
Больше не интересен
Шар, что людьми несётся.
Но не имею злобы
К жизни, к её изменам,
Хоть и растут сугробы,
Бывшие прежде сеном.
Вьюга, провыв мне холод,
Не отмечай курсивом,
Что я когда-то молод
Был на пиру красивом...

«Гром гремит, гроза грохочет ...»

Гром гремит, гроза грохочет —
Небо выплакаться хочет:
Небу тоже нелегко,
Хоть оно и высоко.

«Время несётся вскачь...»

Время несётся вскачь
Лошадью загнанной, в мыле.
Прошлое так уныло,
Как поминальный плач.
Время несётся вскачь.
Жизнь пролетает мимо.
Радость неудержима,
Бодро крича: «Не плачь!».
Время несётся вскачь,
Меры пространства руша,
Но вожделеют души
Судеб без неудач.
Время несётся вскачь.
Будущее – туманно.
И под небесной манной
Неумолим палач.
Время несётся вскачь
Лошадью загнанной, в мыле,
Но не иссякли силы
У золотых удач.

АБСТРАКЦИЯ

Тихие песни влюблённой гитары
Льются в Венецию, словно в судьбу.
Настежь распахнутых окон радары
Ловят мелодий бессонных мольбу.
Там, в полумраке извечных волнений,
Радость и робость сплетают венки...
Вдруг на гондолу ночных вдохновений
Томно слетает пурпурный цветок...

«Успокоились ветра...»

Успокоились ветра,
И леса притихли...
О безмолвная пора,
Лень ты, сон ли, стих ли?
Что ты мне сегодня дашь?...

«Трудно представить мне...»

Трудно представить мне
Реку без берегов,
Хоть у меня в стране
Нет ни друзей, ни врагов.
Рифмы диктуют стих,
Как кирпичи – дом.
Только что проку в них,
Если тоска кругом.
Хилый скелетный сад
Встал за моим окном;
Корни в снегу скрипят —
Движут деревья в дом.
Я бы впустить их рад —
Это не бог весть труд,
Только мне жаль ребят —
В доме они умрут.
Однообразный снег
Сеется в сито дня.
То, что забавит всех,
Не веселит меня.
Там – живут смеясь.
Здесь – живут свежо.
Откуда же ты взялась,
Грусть, что впилась ножом?

«Просыпаюсь ночью, слышу вдруг, как липы...»

Просыпаюсь ночью, слышу вдруг, как липы
Издают негромко жалостные всхлипы;
Выхожу из дома, направляюсь к лесу,
Где в ночную темень жутко даже бесу;
Подхожу к древесной непроглядной чаще,
А в груди-то сердце стало биться чаще,
Но, осилив страха ледяную стужу,
Я иду на всхлипы, режущие душу;
Нахожу красавиц – лип стройновысоких
Меж деревьев молчащих, низких и широких;
Спрашиваю: «Липы, что случилось с вами?», —
А они в ответ мне: «Злобными ветрами
Клён погублен милый, клён прекраснолистный...
О, жестокий жребий! жребий ненавистный!».
Приглядевшись, вижу, вдоль тропинки торной
Клён лежит, высоко запрокинув корни...

«Я тебя не любил ни в апреле, ни в мае, ни после...»

Я тебя не любил ни в апреле, ни в мае, ни после;
Я тебе не писал никогда зарифмованных строк.
Я пытался попасть из заснеженной памяти в осень
И наткнулся на твой столь приветливый, тихий порог.
В ту весну я остался один по неведомой, тайной причине,
Бесприютным бродил по бульварам ташкентской степи,
Предаваясь своей беспросветно напрасной кручине,
И набрёл на порог твой – ты сказала мне: «Переступи!».
И вошёл я к тебе, и мы долго любви предавались;
Никогда я такой, всеобъемлющей, страстью не жил;
И мы дико, почти сумасшедше в постели смеялись,
А на улице где-то пёс бездомный от голода выл.
И до самой зимы я твоё одиночество нянчил,
Ты ж держала меня, не давая сорваться в обрыв,
И мерещилось мне, у судьбы подаянье я клянчил...
А вокруг всё горели, горели костры и костры.
Но, проснувшись однажды в январскую снежную заметь
И тебя проводив неизвестно куда до ворот,
Я к столу пригласил мою бедную добрую память,
Чтобы вновь испытать тот весенний переворот;
И как будто во смерть пронеслись моей жизни мгновенья,
И увидел я всё, отчего онемел мой язык!
Если сможешь, забудь... Но отныне свои вдохновенья
Я в единый солью, всепрощения страждущий, крик.
И пускай каждый день будет кислым иль горьким, иль постным,
И пускай мне прощенья не будет, но не ставь мне в вину и упрёк,
Что тебя не любил ни в апреле, ни в мае, ни после,
Что тебе не писал никогда я рифмованных строк...

«Я беден, как дервиш...»

Я беден, как дервиш,
Как вакуум, пуст:
Зачем меня держишь
Улыбкою уст?
Неужто я нравлюсь
Вот этим глазам?
Ведь я не прославлюсь,
Как тайный Сезам.
Лишь рифмы да небо
В казне у меня,
Да ломтиком хлеба
Довольствуюсь я.
В народе блаженным
Я прозван давно.
Равно униженью
Знакомство со мной.
Что движет тобою —
Каприз или страсть,
Игра ли судьбою,
Иль злая напасть?
Навряд ли серьёзно
Влечение ко мне...
Верни меня розам,
Моей тишине!
Пусть кто-то достойный
Войдёт в твою грудь,
Меня же не стоит
Пытаться согнуть.

«Нанеси мое имя на клочок листопада...»

Нанеси мое имя на клочок листопада,
Закружи его вихрем уносящихся дней,
Или в дождь оберни, как мольбу – серенада,
И на прошлое наше серым ливнем пролей.
В этой жизни уже ничего мне не надо —
Ни любви, ни тоски, ни надежд, ни скорбей.
Ты лишь дай мне забыть цвет весеннего сада,
Где всё дышит тобой, говорит о тебе.
Ни к чему мне теперь моих мыслей бравада:
Ей отныне не место в вольной песне твоей.
Помести моё имя в моногул водопада
И на тысячи брызг безымянных разбей!
На исходе агония желтого сада —
Осыпаться уж нечему с голых ветвей...
Нанеси на последний клочок листопада
Моё горькое имя и, как пепел, развей...

ОСЕННИЕ СУМЕРКИ

Ты – в распахнутом окне.
Месяц тонкий – в вышине,
И к нему со всех сторон
Стаи движутся ворон.
Ты и осени сезон
На закатный горизонт,
Где две звёздочки горят,
Устремили грустный взгляд.
Ты вздыхаешь и молчишь
Так, как сумеречна тишь,
Так, как в сонмище ворон
Месяц в думы углублён.
Мнится, месяца душа
Плавно, робко, не спеша
Обволакивая даль,
Нежит там твою печаль.
А твоя душа в ответ
Месяца лелеет свет.
Нет пределов для весны:
Ты и месяц – влюблены!
Ты – в распахнутом окне.
Месяц тонкий – в вышине.
Воздух свеж... да больно мне:
Я один и в стороне.

СОNET

Шаманит жёлтой грустью
Осенний листопад.
Хандра проникла в чувства
Играючи, как в сад.
Докучливо ленива
Агония весны;
Нирваны переливы
Едва-едва ясны.
Лелейна, будто с горя,
Гармония костров;
Идиллия изгоя —
Минория ветров...
Но ждёт, но ждёт кумира
Епархия факира!

«Я чувствую, как ты меня не ждёшь...»

Я чувствую, как ты меня не ждёшь.
Я чувствую, как ты меня не любишь.
Зачем же ты мне ежедневно лжёшь
И наше прошлое сегодня губишь?
Да, поугасло солнечное в нас,
Да, мы не те, какими были в мае,
Но для чего так много лжи из глаз
Твоих исходит, я не понимаю.
Ужели то, что пело и цвело
В оживших душах после нашей встречи,
Мы друг для друга обратим во зло
Сквозь фальшь очей, обманчивые речи?
Я не хочу так жить и сознавать,
Что для меня ты – женщина чужая.
Но где же сил взять, чтоб с тобой порвать?
Где воли взять, чтоб жить, не унижаясь?
И пусть я чувствую под сердцем дрожь
И вижу, как ты прожитое губишь,
Но, милый друг, не панацея ложь
И в дни, когда не ждёшь меня, не любишь.

«Налей мне бренди-тини...»

Налей мне бренди-тини
Или мартини-драй,
Затем из Паганини
Мне что-нибудь сыграй.
А после выйдем в поле,
Подсядем к роднику,
На миг забудем боли,
Что были на веку.
Прильнём к воде хрустальной,
Как к ней прильнул овраг,
Чтобы еще астральной
Стал наш астральный брак.
Поднимем взоры в небо,
В лазурь и в благодать,
И долго будем немые,
И долго будем ждать,
Как чистым откровеньем
Покроют звёзды высь,
И скажем мы: «Мгновенье,
Постой, остановись!
Дай нам вернуться снова
В тот незабвенный час,
Что без руки и слова
Влюбил друг в друга нас».
И вновь польют напевы
Сквозь память соловьи,
И озарит нас первый,
Тот первый миг любви.
Мечты неукротимы...
На скрипке доиграй,
Налив мне бренди-тини
Или мартини-драй.

«Оттого ль, что бессчётны потери...»

Оттого ль, что бессчётны потери,
Разлетелись куда-то мечты.
Я стою у распахнутой двери
И не жду, что появишься ты.
Далеко простирается поле —
Не увидишь предела его, —
Но, наверно, не дальше, чем боли
Бесконечного сна моего.
Этот сон, воплощённый тобою,
Всеобъятен, как воздух живой.
Я доволен, доволен судьбою,
Хоть теперь и поник головой.
Я сегодня не требую счастья,
Да и завтра не буду просить:
Разве будет петь солнце в ненастье,
А без солнца – земля колосить?
Мне отныне без чувств и безумий
У распахнутой двери стоять,
Быть невольником памяти мумий
И не ждать тебя больше, не ждать...

«Сегодня – день воспоминаний...»

Сегодня – день воспоминаний.
Давай погасим в доме свет,
Зажжём свечу и сном мечтаний
Вернёмся вспять на много лет.
Ты помнишь лодку у причала
На самом лучшем из морей?
Как чайки радостно кричали,
Когда тебя встречали в ней!
Ты приходила на рассвете
И говорила мне: «Привет».
И целый мир в твоём привете
Мне намекал, что я – поэт.
И вёсла в крылья превращались,
И мы летели по волнам
И только взглядами общались:
Слова мешали в этом нам.
И в осязаемом отдаленье
От многоглазых берегов
Я припадал к твоим коленям,
Как к воплощению богов.
Твои ладони робко, нежно
Касались плеч моих и рук...
А море было так безбрежно —
Лишь горизонты всё вокруг!
Но незаметно наше лето
Переместилось к сентябрю,
И ты покинула поэта,
Его рассветную зарю.
С тех пор прошло немало лет.
Но каждый день я на рассвете
Вдруг слышу тихое «привет»
И вижу призрак твой в «привете».
И каждый раз я, как маньяк
В плену неведомых мечтаний,
Произношу в гнетущий мрак:
Сегодня – день воспоминаний...

ВАМ

Вам не дано сейчас понять,
Как Вас любил поэт,
Чем воспевал он Вашу статью,
Во что ценил Ваш бред,
Откуда рифмы извлекал,
Какие множил сны,
Во имя Вас как низко пал
В глазах былой Весны:
Для Вас любовь – одна лишь блажь,
А для поэта – жизнь.
И вот рассеялся мираж —
Остались куражи.
Но сожаление и боль
Не отпускают в слепь.
Бездарно сыгранная роль —
Хоть вой, садясь на цепь.
И снова пусто на душе,
Безжизненно перо...
О, смейся, смейся, Бомарше,
«Женитьбой Фигаро»!
Увы! Всё то, во имя Вас
Что облеклось в фантом,
Вам не дано понять сейчас,
Как не дано потом.

Я ВЕРНУЛСЯ

*Посвящается
светлой памяти погибших
и выжившим в Афганской войне*

Не бойся, мама, это я:
Твой сын вернулся из Афгана,
Где среди воронок Кандагара
Гниёт в земле нога моя.
Не бойся, мама, я живой
И не сгорел в огне душманов;
Вернулся я сквозь шквал обмана,
Хоть и с пробитой головой.
Пускай увяла и рука,
Пускай душа моя в надломе —
Я нахожусь сегодня дома,
И за холмом течёт река.
Не бойся, мама, я смогу
Забыть и суженой измену:
Вскрывать себе не стану вены
И не пущусь в хмельной загул.
Не бойся, мама, но прости,
Что я по дому — так уж вышло —
Теперь работник никудышный:
Мне сил былых не обрести...
Пускай в агонии ночей
Меня грызёт Афгана бойня,
Но несравнимы с этой болью
Грехи жестоких палачей:
Забрав сынов у матерей,
Гробы из цинка им вернули.
Ах, если б разобрались пули,
В кого лететь в том декабре...
Не бойся, мама... в тишине
Нарежь куски ржаного хлеба,
Согрей наш чайник, но не требуй
Рассказов длинных о войне...
Не бойся, мама, это — я.

ПАРК

Вечерний парк безлюден и угрюм.
В его тиши брожу я, как маньяк,
Окутан дымом невесёлых дум
О том, что жизнь не сложится никак.
Я был влюблён и был любим не раз,
Я достигал чиновничьих высот,
Я видел море, слушал гор рассказ,
Был во хмелю берёзовых красот;
Я испытал достаточно тревог
И радости достаточно вкусил,
И даже счастье отыскать я смог...
Но что-то всё же в жизни упустил.
В груди свербит о чём-то пустота,
Неведомо куда душа зовёт;
И ты, мой друг, не прежняя, не та,
С которой я познал свой первый взлёт.
Подобно парку, сумрачен мой ум...
Не оттого ль брожу я, как маньяк,
Что этот парк безлюден и угрюм,
И в нём себя я не найду никак?

Я – ТВОЙ

Ты пришла ко мне из песни,
Из мелодии небесной
Вся в прозрачном одеянье
И с улыбкой на устах.
Ты сказала: «Мальчик милый,
Отчего глядишь уныло?
Позабудь свои страдания,
Побори ненужный страх.
И печалиться не стоит:
Каждый сам веселье строит.
Подойди ко мне поближе,
Дай мне руку, улыбнись!
Жизнь нас радует не часто;
Обрети со мною счастье.
В том, что горе нас услышит,
Перед Небом не винись!».
И, словам любви покорный,
Я вошёл в твой мир просторный,
Где покой душевный правит
Вместе с музыкой небес.
И теперь мне нет возврата
В мир безумий и разврата,
В мир без чести и без правил —
Твой отныне весь я, весь!

«Твои глаза с оттенком в осень...»

Твои глаза с оттенком в осень
Я повстречал на склоне лет.
А ты жила всё время возле
Моих падений и побед.
Теперь мне поздно быть Ромео,
И донжуанить – стиль не мой,
Но, как мальчишка, я робею,
Когда мы видимся с тобой.
Я прожил жизнь – как будто не жил:
Впустую, буднично, темно...
Но что-то в сердце всё же нежил,
Во что-то верил всё равно.
И вот когда сомнений осыпь
Так мало света прочит мне,
В твои глаза с оттенком в осень
Гляжу в вечерней тишине.
И всё, что пройдено уныло,
Что, не коснувшись, пронеслось,
В глазах твоих печально-милых
Я вижу сквозь сверканье слёз.
Но у судьбы мы не попросим
Просимых вечно благ и льгот:
Мы углубимся в нашу осень,
Насколько нам позволит год!

ЧУЖОЕ

Закатит солнце в сон лучи,
И станет сумрачно и скучно.
И нет спасения в ночи
От роли чёрной и докучной:
Чужая женщина придёт,
Чужие ласки мне подарит,
За ночь одну на целый год
Меня безжалостно состарит;
Расскажет мне, как глуп супруг,
Как некомфортно в клетке быта,
Как самой близкой из подруг
Она предательски забыта;
Я буду слушать и жалеть,
И утешать её лениво,
Наперекор себе хотеть
Любви её нетерпеливой,
И буду думать: что за рок
Ведёт меня так неумело? —
Всё начиналось как восторг...
А что в итоге? Только тело...
Но разорвать чужую страсть
Я не решаюсь в чёрной роли:
Ведь кто-то должен в сердце класть
Поверх своих чужие боли...

ШИПЫ В САДУ

Усеян сад шипами горя,
Питает их твоя слеза;
Не дышат розы у забора,
И кем-то сломлена лоза.
Из уст твоих скользят невнятно
И непрерывно звуки слов.
Значенье их мне не понятно,
Но слышен в них трагедий зов.
Ты вся – как после урагана —
Истрепана, бледна, седа;
Шипы не чуя под ногами,
Бредёшь по саду... Но куда?
Нигде уже не сыщешь следа
Того, кого не принял сад,
Кто воплощал весну и лето,
И листопад, и снегопад.
Но ты бредёшь, бредёшь по саду,
Бредёшь, не ведая тропы,
По листопаду, по снегопаду,
Впиваясь пятками в шипы.
И память падает в объятья
Видений смутных вновь и вновь;
И не кончаются проклятья,
Как не кончается любовь...

«Когда идёшь сквозь ночь к стихам...»

Когда идёшь сквозь ночь к стихам
И не встречаешь нужной рифмы,
Ты вспомни предков наших мифы
Иль обратись к своим грехам.
Проделай это и поймёшь,
В чём сила пращуров далёких,
И как грехи диктуют строки,
Мечтой исполненные сплошь.
Всё остальное – жалкий труд,
Не раз повторенные муки:
Хоть и легки чужие звуки,
Но разгуляться не дадут!

«А жизнь проходит, жизнь проходит...»

А жизнь проходит, жизнь проходит,
И каждый год нас вглубь уводит
Природы строгой каземата,
Откуда нет уже возврата.
А мы с тобой так и не вняли
Тому, как пишутся скрижали
Времён и судеб скоротечных,
Всегда живых для истин вечных.
Осталось нам совсем немного.
И, стоя грустно у порога,
Сумеем ли в границах круга
Мы наконец понять друг друга?
Я не хочу покинуть землю,
Пока тебе, влюблённый, внемлю,
Пока в твоих глазах, как осень,
Я всё ещё терпим и сносен.
Но жизнь проходит, жизнь проходит...
И лишь надежды хороводят
Вокруг одной мечты чудесной,
Что счастье есть в стране небесной!

«Поизносились наши годы...»

Поизносились наши годы,
А вместе с ними наши сны;
И мы с тобой уже не в моде,
Как жёлтый лист среди весны.
Не возбраняется, конечно,
Потрёпанное залатать
И в каждый день входить беспечно,
И видеть в этом благодать.
Но мы прошли пути-дороги,
По ним теперь ходить другим,
А нам, обнявшись у порога,
Лишь помнить прежние круги.

«Если я не вернусь из далёкой тайги...»

Если я не вернусь из далёкой тайги,
Если я не пришлю о себе ни строки,
Ты в помин обо мне в церкви свечи зажги,
Чтоб горели они, как во тьме маяки.
Я на свет этих свеч из таёжных глубин
Свою душу пошлю и остатки судьбы
В виде музыки слов и серёжек рябин,
В виде самой заветной и светлой мольбы,
Чтоб не ведала ты, как из белого дня
Прорастает печаль, по-ночному черна,
Чтоб в терпении лет, что пройдут без меня,
Ты любовью была освящена.
Но когда из тайги от таинственных муз
Долетит до тебя, что я им не молюсь,
Ты отторгни меня, разорви наш союз,
Всё былое забудь... если я не вернусь...

РЯДОМ

(написано от имени любимой)

Ты рядом был, а я тебя ждала,
Ждала всю жизнь, как ждут судьбы знаменья,
Как ночью – дня, как в стужу ждут тепла,
Как счастья ждут сквозь боль и исступленье.
Ты рядом был, а я не знала, с кем
Поговорить открыто, без утайки
О том, что душу предаёт тоске,
О том, о чём молчат при шторме чайки.
Ты рядом был, а я во все глаза
Искала друга, просто человека,
Способного сказать: «Прошла гроза,
Её не будет до скончанья века».
Ты рядом был, а я во цвете лет
Уже не верила в свою удачу,
И мнилось мне из чёрствости примет,
В миру ином я одиноко плачу.
Ты рядом был, как в мыслях, как во сне,
Но – вопреки цыганскому гаданию —
Ничто никак не подсказало мне,
Что рядом – я, а ты – весь в ожидании.

«У меня украли песню...»

У меня украли песню,
У меня разбили лиру
И мою сожгли квартиру,
Где с тобой мы жили вместе.
Затуманили мне разум,
И с меня содрали кожу,
А лицо слепили в рожу,
Так что я заметен сразу.
Душу вынули из тела,
Сердце смяли, будто глину,
Руки скрючили за спину
Так, как ты тогда хотела.
Мне в тиски обули стопы,
А в глаза ввернули брови,
Но не чувствую я боли
Под влияньем изотопов:
Весь пронизан я лучами
Веры яркой в то, что, если
У меня украли песню,
Значит, в ней любовь звучала.

КОПАЯСЬ В АРХИВАХ

Я напишу тебе историю любви.
Она не будет длинною и скучной;
В ней будут главы про глаза твои
Да эпилог о боли неразлучной.
Я не любил бог знает сколько лет.
Я лишь страдал от пустоты духовной;
Мой внешний вид напоминал багет,
Что обрамляет вакуум греховный;
Я жил, как жил, как больше не хочу,
Как не могу – без цели, без тревоги, —
Лишь потому, что ты зажгла свечу
В моей ночи унылой и убогой.
И я прошу, надежду обретя,
Не обмани нам данного судьбою,
Не разрушай, играя и шутя,
Тот хрупкий дом, что строим мы с тобою.
Мне будет больно... и в последний раз...
Мне будет больно, как ни разу в прошлом.
Я жить хочу в архивах твоих глаз
Историком влюблённым и дотошным.
Не оттого ль, забросив все свои
Дела, заботы, будучи в опале,
Я погружён в историю любви,
Хотя и ведаю, конец печален?

ВЕСЕННЕЕ

По весенней тропке из студёной вьюги
Я спешу к улыбке солнечной подруги.
За спиной клубятся снеговые ночи,
Впереди сияют колдовские очи.
Мне тюльпан кивает, салютуют маки;
Ласточки порхают, не снимая фраков;
Нежные фиалки тянутся мне в руки:
Будет чем украсить волосы подруги!
Я прильну губами к родниковым струям,
Передам любимой звон их поцелуем.
И, в весне бурлящей обновив себя,
Пропою подруге: «Я люблю тебя!».

«Когда я умру неожиданно, вдруг...»

Когда я умру неожиданно, вдруг,
Никто не узнает мной прожитых мук,
Никто не увидит в глазах мертвеца
Предчувствия скорого самоконца.
Когда я умру, прогремит водопад
В отрогах Чимгана на месте преград
Тех самых, когда-то мне давших зарок,
Что их одолеет лишь мёртвый пророк.
Когда я умру, будет месяц апрель,
А может, июль, но не тот, что теперь,
Взваливший на плечи хирманы снегов
И вечно скользящий под дробью шагов.
Когда я умру как один из людей,
Займу своё место в ночлежке теней,
Всё будет по-прежнему в недрах квартир,
И вновь по спирали продолжится мир.

ВОПРОСЫ

Не всё так просто,
Не всё так сложно,
Но без вопросов
Нам невозможно.
Когда, к примеру,
Под вопли рока
Утратил веру
Я в путь пророка?
Или откуда
Взялась насмешка
В моих причудах
На самослежку?
А что таится
За бездной грусти —
Перо Жар-птицы
Иль злое «Пусто»?
Но в этой куче
Вопросов страшных
Есть самый жгучий,
Есть самый важный:
Людьми, судьбою
Весь уничтожен,
Зачем тобою
Я заморожен?
Ведь в мире сложном
Бывает просто:
Считают ложным
Исток вопроса!

«Мы шли с тобой рука в руке...»

Мы шли с тобой рука в руке,
Плечом к плечу, тоска к тоске,
Грехом к греху, слова к словам,
И ветер молча веял нам.
Мы час назад познали радость.
Но час прошёл, как мёда сладость,
И в нас печали вновь проникли,
И мы невольно оба сникли.
И вышли мы на холод в ночь,
Чтоб в ступе памяти толочь
Минувших вёсен сладкий дым:
Он нужен был нам молодым.
Ты говорила еле слышно
О ежевике чьей-то, вишне,
О звёзд угасших аллилуйе,
О первом – чистом – поцелуе...
А ветер веял нам в сердца,
Он был предвестником конца
Всего, что мы в пустой мольбе
Просили быть судьба в судьбе.
И мы расстались на исходе,
И я смотрел, как ты уходишь,
Вся поглощаемая ночью,
И мне представилось воочью,
Как в эту слепь, как в эту темь
Я стал уже совсем не тем,
И понял я, что мы уже
Не будем жить душа в душе...

КРУГ

Когда ты лжёшь, я понимаю,
Что нам пора простить друг другу
Порывы чувств в далёком мае
И охладившую нас выюгу:
Не получилось, не сложилось,
Перевернулось, отказалось,
Отрифмовалось, завершилось...
А так всё радужным казалось.
Живём как будто, но не смеем,
Как прежде, искренно смеяться,
И тотчас жалостно немеем,
Лишь стоит взглядом повстречаться.
Простор трёхкомнатный зиндана
Нам позволяет разминуться,
Спасая в созданном тумане,
Чтоб не могли мы в май вернуться.
И во втором семейном круге,
В его классическом итоге
Придётся нам прощать друг другу,
Что мы столкнулись на пороге...

НЕИЗБЕЖНОСТЬ

Ах, Пушкин, Пушкин, ты ль один
Довёл меня до сумасбродства
Искать в рифмованном уродстве
Свободу вольных бригадин?
Наверно, да. Но был Сергей,
Твой брат, блондинистый повеса,
А до него – ревнитель беса
И демонических страстей.
Певец вина да вы втроём
Меня заставили молиться
Парнаса ветреным девицам,
Балующим с моим конём.
Но тщетны страстные мольбы:
Никто моих не слышит песен,
Я никому не интересен,
Как безразличны мне столбы.
И, маясь в собственном плену,
Я в добровольной этой пытке
Уже не делаю попытки
Поймать легучую волну;
Я просто в скрежете пера
Воображаю треск рутинный
Моей сгоревшей бригадины...
И так – до каждого утра.

ВЕНОК

Венок невянущий, цветы прощальные,
Уже не сбудутся сны обручальные;
Надежды канули, дом не построится,
Венок мой горестный, жизнь упокоится.
Лишь слово скорбное тобой промолвится
Во храме брошенном, где ветер молится
За душу грешника, раба грядущего,
Давно усопшего, но всё поющего.
А боль растущая не перемелется,
И поминальная скорбь не изменится.
Угоден Господу мой жребий чувственный.
Цветы прощальные, венок искусственный...

УЧАСТЬ

Встань и беги до луга,
И не пытайся вернуться:
От своего испуга
Ты не успеешь проснуться.
Толпы в порыве хищном,
В религиозной облаве
Прут к твоему жилищу
С варварской жадой расправы.
Разум – в дыму гашиша,
Сердце – в дурманном гневe...
Толпы бушуют, слышишь? —
Встань и беги до неба.
Мчатся не люди – толпы.
Тщетно искать управы:
Их остановит только
Кровь совершённой расправы.
Свята для них вендетта.
В мстительной судьбоверти
Издревле участь поэта —
Встать и бежать до смерти.

К Ш...

Между нами годы, прожитые врозь,
Между нами пропасть радостей и слёз;
Между нами ночи да немые свечи,
И они остались после нашей встречи.
Пройден путь немалый, благодатный путь:
Мы с тобой не в силах всё перечеркнуть.
Оттого и меркнет лунная дорога,
Что себе позволить можем мы не много:
Грустные улыбки да слиянье глаз —
Вот, что нам осталось, утешая нас.
Всё, что мы хотели, всё, о чём мечтали,
Вряд ли сохранили облачные дали.
Но на фоне прежних – выгоревших – свеч
Удалось нам всё же тайное сберечь!
В чём-то есть избыток, в чём-то нехватка...
Проживём остаток и смеясь, и плача...

ФАТА-МОРГАНА

Фата-моргана, фата-моргана —
Тайная страсть звуководов органа,
Яркие отблески звёздных фонтанов,
Царство небесное, куши туманов.
Фата-морганы, фата-морганы
Быстрый полёт мои сны проморгали.
Если виденья судьбе помогали,
Кто отречётся от фата-морганы?!
Фата-моргана, фата-моргана —
Хаос волшебный вселенского гама,
Вакуум розовый самообмана,
Дым, охраняющий ложь талисмана.
Фата-моргана, ах, фата-моргана,
Жизнь пронеслась под «Ату!» урагана
Чёрной печатью отмеченных лбов...
Фата-моргана – наша любовь.

ПРИЖИЗНЕННЫЙ РЕКВИЕМ

Как стыдно сознавать, что ты не тот,
Что дух не в силах сеять очищенье,
Что каждый миг ты превращаешь в год,
В столетие самопорабощенья.
Как стыдно быть не стоящим любви.
Да что любви – обычного участия,
И знать одно, что, сколько ни живи,
Ты не коснёшься помыслами счастья.
Как стыдно жить и не иметь себя,
Не празднуя, не предаваясь горю,
И даже с эхом собственного «я»
В опустошающем тонуть раздоре.
Как стыдно мир покинуть без следа,
Без памяти, наследия потомкам...
Как стыдно сгинуть, не познав стыда
За свой удел бесплодный и негромкий.

«А в дверь стучали, зная, что...»

III.

А в дверь стучали, зная, что
Нельзя стучаться...
Скользило с плеч к ногам пальто,
Чтоб в них метаться;
Трезвонил подлю телефон
В бессильной злобе...
Но пройден первый рубикон
Высокой пробы!
Качались звёзды в лепестках
Хмельных акаций:
То блажь была сквозь стыд и страх
Божеств и граций.
И нет уже былых границ,
Как нет печали.
Свет исходил с усталых лиц...
А в дверь стучали...
И всё, что снова предстоит —
В том нет сомненья, —
Лишь укрепит и освятит
Соединенье!
И пронесётся много вех
Вослед началу,
И Бог сочтёт за тяжкий грех,
Что в дверь стучали.

ПРЕДНОВОГОДНИЕ СТАНСЫ

Кто-то свет зажѐг уже
На небесном этаже;
Силуэт луны бледнеет,
Растворяясь в неглиже.
Ветер, вечный виртуоз,
Плавным танцем зимних роз
Закружил трамвая первый
Полусонный стук колѐс.
В мерно ткущийся пейзаж
Вдруг врывается мираж —
Огнегривый конь крылатый,
Совершающий пассаж.
Свита из воздушных нимф
С песней следует за ним,
Поднимаясь по снежинкам
К этажу минувших зим.
Память, грѐзы, неба свод
Водят чудный хоровод,
Утверждающий, что скоро
Наступает Новый год.
Светом розовым горя,
В небе полнится заря.
Много дивного готовит
День последний декабря.

«Ты родилась довольно поздно...»

Нигоре

Ты родилась довольно поздно:
Тебе б на княжеских балах
Блистать осанкой грациозной
И тайной светлою в очах.
Тебе б величественно, строго,
В цветенье нежных юных лет
Изящной прелестью от Бога
Свести с ума весь высший свет,
И в окруженье кавалеров,
Под градом их влюблённых глаз
Ты б ежедневной премьерой
Являлась им, как мне сейчас.
Увы! в наш век эмансипаций,
Когда исчезли трепет, вкус,
Не часто встретишь чистых граций,
Достойных поклоненья муз.
И в обителище убогом
Под грохот бытовых проблем
Ты угасаешь понемногу,
А я беспомощен и нем...

Н.В.

Не стоит нам отягощать умом
То, что из сердца чувственного льётся:
Цепь логики, как нитка, разорвётся,
Когда душа истомлена огнём.
Не стоит также в дебрях Зодиака,
В иллюзиях туманных Андромед
Искать осмысленности яркий след:
Свеча не озарит всю бездну мрака.
Не стоит мыслей мечущихся вязь
Вплетать в нестройность бурных вождлений
И втискивать вулканы вдохновений
Силком в причинно-следственную связь.
Но стоит знать, что в лабиринтах бреда,
В эксцентрике натравленных словес
Неотвратимое пророчит бес,
Что пораженьем явится победа.

ЗДЕСЬ

*«Сестры-суки и братья-кобели,
Я, как вы, у людей в загоне».
С. Есенин*

Здесь не встретишь правителя чести,
Не найдёшь предводителя зорь,
А с рабами корысти и лести
Ты о совести лучше не спорь.
Здесь не станет ни другом, ни братом
Ни бедняк, ни – тем боле! – богач.
Окружённый хулой и развратом,
Ты невинной душою не плачь.
Здесь в безумии зависти алчной
Попирается воля небес:
Каждый продался подлости мрачной,
Как носитель коварного бес.
Здесь тебя не поймут, но заставят
Пить болотную гадость карьер,
И тебя же мерзавцем ославят
И повесят потомкам в пример.
Здесь свободе твоей не ужиться;
«За» и «против» обдумай и взвесь.
Будет солнечное дорожиться,
Если души очистятся здесь.

«Воздух промыт дождём...»

Воздух промыт дождём,
Свежесть и благодать.
Выйдем с тобой вдвоём
Радугой подышать.
Милая, улыбнись! —
Тучи ушли от нас.
Золотом льётся высь
Вглубь осиянных глаз.
Мир обновлённый – свят.
Примем же эту новь.
Если сердца стучат,
Значит, жива любовь.
Это, поверь, не сон.
Просто всё то сбылось,
Что предсказал нам клён
Магией прежних грёз.
Нам хорошо вдвоём
В светлом просторе глаз.
Что же, вернёмся в дом:
Тучи вдали от нас.

РОЗА

Я наблюдал цветенье розы
И жизнь, и смерть её, и прах.
Её оплакивали росы,
И угасал печальный птах.
Но лишь заря златые косы
Взметнула в новой синеве
Уж не скорбели больше росы,
И пел презвонко соловей.
И даже я, забыв про слёзы,
Глядел вовсю, заморожён,
Как на кусте усопшей розы,
Родившись, наполнился бутон.
И будто не было вопроса:
Чего мы ради на земле?
В саду ж цвела другая роза
В любви, заботе и тепле.
И вновь в саду витают грёзы,
И вновь лазурь без облаков...
Но не забыть мне первой розы,
Её душистых лепестков.

ЭЛЕГИЯ

В полумраке молельни,
Отовсюду гоним,
Он стоит на коленях
Перед ликом Твоим.
Не проситель, не грешник,
Не предатель, не вор,
Он не жалкий приспешник
Тех, кто множит позор.
Не из праздного чувства
Пред Тобой пилигрим —
Хочет знать он изустно,
Что Ты сделаешь с ним.
Ты невидим веками,
Устрашающе нем,
Не потрогать руками,
Только лик на стене.
И хоть ведает странник,
Как Тебя ни проси,
Не откроются тайны,
Не сойдут с небеси,
Он стоит на коленях,
Но не шепчет мольбы
В полумраке молельни,
В полном мраке судьбы...

НАВАЖДЕНИЕ

*Светлой памяти
моего брата по духу
Сергея Есенина*

Этот ветер восточный,
Этот ветер хмельной
Разбудил меня ночью,
Будто знался со мной.
Я спросил его: «Ветер,
Что ты ищешь во мне?».
Ветер тихо ответил:
«Шаганэ, Шаганэ».
Я сказал ему: «В грустной
Русской вьюге-пурге
Про персидские чувства
Знал Есенин Сергей.
От земель Алазани,
Хорасанских огней
Долети до Рязани
И найдёшь Шаганэ».
Ветер веял и слушал,
Но понять не хотел,
Что в пустынную душу
Он сейчас залетел.
И, наполнив собою
Все пустоты души,
Ветер странной мольбою
Растворился в тиши.
И я мучился ночью,
И не знал, что со мной...
Ах, ты, ветер восточный,
Ах, ты, ветер хмельной!

УТРО

Камилле

Утром проснёшься рано,
Выйдешь в цветенье сада,
Воздух вдохнёшь тюльпанный,
Воздух любви и лада.
Встретишься взглядом с полем,
Сердцем коснёшься неба —
И все бывшие боли
Вмиг превратятся в небыль.
Нежным цветеньем сада,
Тонким узором света
В душу войдёт услада
Новой весны пометой.
Радостной певчей птицей,
Веткой весёлой вербы
Ты не сумеешь не впиться
Светлой надеждой в небо.
Яблоня белую пудру
Сеет в эфира недра
И сочетает мудро
С легким дыханьем ветра.
Краски рассвета сочны —
Синий, зелёный, красный.
Слейся с природой прочно:
Утро твоё – прекрасно!

ИСХОД

Зачем ты вышла из меня?
Зачем ты вылеплена мною
Из ветра, моря, звёзд, огня
И из тропического зноя?
Творенье страсти и мольбы!
Плод одиночества и плача!
Ты – жертва сломленной судьбы,
Которой выпала удача.
И лишь осталось жизнь вдохнуть
В мечтой рождённую фигуру,
Но... предстоящий грешен путь...
И я в слезах разбил скульптуру...

«Не сохранить души во злате...»

Не сохранить души во злате,
Не поумнеть в «шестой палате»,
И в спину нож войдёт без боя,
Хоть на груди «Звезда Героя».
Не избежать судьбы упадка,
Когда в рассудок въелась взятка.
И в норке мыши нет спасенья
Ни для какого поколенья.
И слабый дух не скроет важность.
И всеохватная продажность
Нам не заменит добродетель,
Как при вязаньи спица – петель.
Мы почему-то совесть чистим
От прописных моральных истин;
И почему-то год из года
Нас всё же терпит мать-Природа.

УИКЭНД

Из Библии мы знаем, что Господь
Шесть дней потратил на творенье мира:
Создал вначале небо из эфира,
А после землю и живую плоть;
Создал Он звёзды, солнце и луну,
И в день шестой творенья – человека,
Чтоб был всему владыкой век от века;
А в день седьмой почил, уйдя ко сну.
Замыслил верно Бог, да не избег
Ошибки роковой в своём творенье:
Жаль, ослепило Бога озаренье —
И появился подлый человек.
Бог был один. Терзаем пустотой,
Спаситься хотел Он от неё трудами
И... натворил!... Последствия пред нами...
Уж лучше б Он почил и в день шестой!

«Ты – женщина, с которой мне спокойно...»

Ты – женщина, с которой мне спокойно,
С которой я могу быть искренним во всём,
Которая покорно непокорна,
Как тихая вода пред ветром и огнём.
Ты – женщина, несущая свободу
Моей душе, мечтаньям и стихам.
Пусть я не нужен своему народу,
Но нужен я тебе: ты мой судья и храм!
Ты – женщина, последняя, наверно,
Из рода тех, кто сохранил в себе
Способность быть, как перед Богом, верной,
Всю посвятив себя любимого судьбе.
Ты – женщина, к которой через выюгу,
Через соблазны жизни и обман
Я продираюсь, чтоб послушать фугу
О том, что всё ж рассеется туман.
Ты – женщина, умеющая мудро
Не обращать внимания на зло.
И каждый день я, просыпаясь утром,
Твержу себе: с тобой мне повезло!

«Есть люди...»

Есть люди,
 которым
 плевать в мою душу
 приятно.

Есть люди,
 которым
 плевки
 возвращаю
 обратно.

Есть люди,
 для коих
 мне жалко
 бывает
 плевка.

Есть люди,
 которых
 не примет
 в себя
 и строка.

Есть люди,
 подобные
 ветру
 порывами
 слов.

Есть люди,
 сравнение с которыми —
 скорбь для ослов.

Но есть и такие,
 которых
 осталось
 не много;

Для них
 не найти мне
 достойного слога;

Пойду и в разведку я с ними сквозь пламя огня!

Да вот лишь вопрос:

а возьмут ли
с собою
меня?

ПОСЛЕДНЕЕ ЖЕЛАНИЕ

Ах, дайте мне уснуть —
Мне хочется забыться:
Моя пустует грудь,
В ней нечему томиться.
Позвольте не дышать
Иль дайте задохнуться:
В меня моя душа
Не думает вернуться.
Закрыв мои глаза,
Меня вмотайте в саван;
Мне нечего сказать:
Мой путь – увы! – бесславен.
На кладбище мой труп
Скорее отнесите
И с теми, с кем был скуп,
Вы рядом положите.
И, стоя на ветру,
В моё упокоенье
Прочтите вслух суру,
Как я себе – забвенью.

«Я жалею, что мне довелось...»

Я жалею, что мне довелось
Жить в эпоху сплошного упадка,
Когда всё на Земле продалось
С потрохами и без остатка.
Как случилось, что шорох купюр
Заглушил соловьиные трели,
На рассвете кудахтанье кур
И симфонию звёздной метели?
Что проникло в людские сердца?
Завороженность бедного Кая? —
Ведь в чаду «золотого тельца»
Дух любви, как изгой, неприкаян.
И трубач расстаётся с трубой
И уходит, удушьем завьюжен...
Если в мире в опале любовь,
Значит, мир этот вовсе не нужен.

О ПРОШЛОМ И БУДУЩЕМ

Давай писать стихи
О прошлом и грядущем;
Давай о настоящем
Прискорбно помолчим.
В былом у нас – грехи;
А в будущем – не лучше.
Но всё равно шадящим
Сей выглядит режим.
Давай-ка, вспомним дух
Геройских пятилеток
И планов богатырских,
И веры в «светлый путь»;
Как разлетелась в пух
И провалилась в Лету,
Разбилась, как бутылка,
Несделанного суть.
Закончить – не начать.
Начав же, не закончить.
Как пропита убого
Великая страна!
И нет причин кричать;
Язык всегда уклончив.
А закричишь, к порогу
Приблизится война.
Что было – то прошло;
И даже наша юность,
И даже наши грёзы,
И даже наши сны.
Лишь памяти стекло
Даёт увидеть лунность,
Струящиеся слёзы
Раздробленной страны.
Ты помнишь шум берёз,
Хребты и блеск Кавказа,
И пуши Беловежской
Похожесть на тайгу?
Но сквозь потоки слёз
Ты не окинешь глазом
Проложенные межи
Через глухую згу.
Что было – то прошло.
Но хорошо – что было.
Ведь будет, что вспомнить,
Ругая и любя!
Не обратить во зло

Друг другу то, что «мило», —
Вот в чём грядущий подвиг:
Мы – всё ж – одна судьба.
А будущее ждёт.
И мы там побываем.
Пускай не всё увидим,
Пускай не всё поймём.
Оно нас иль сожжёт,
Иль обернётся раем —
Но мы сейчас не выйдем
Из времени вдвоём!
Посмотрим, что же там;
Загадывать не будем:
Прогнозов экспонаты
Всегда полны трухи.
Пока ж сомнений хлам
Не выметут из буден,
Давай, мой конь крылатый,
Давай писать стихи.

АЗАРТНАЯ ИГРА

Эту жизнь я уже промотал,
В непонятные игры играя.
Ты простишь ли меня, дорогая? —
Но банкрот я, и кончился бал.
Я не шулер. Но хваток азарт!
И в игру я был втянут коварно;
И в раскладе убийственном карт
Я увидел – попытка бездарна.
Но азарт – как взбесившийся конь! —
И я новую делаю ставку:
Всё, что было, поставил на кон;
Вновь расклад и... о, дайте удавку!
Но насмешливый гул казино,
Эти самодовольные туши,
Напоив меня терпким вином,
Предложили поставить мне душу.
О, пьянящий азарт! И на кон
Полетела душа без оглядки...
Эх, увы, не Есенин я: он
Лишь на женщин да зелье был падкий.
И ликующе-зло банкромет
Разметал роковую колоду...
Ну а после всё просто: я – мот.
Даже сил нет повысить на погоду.
Дорогая, хоть слово скажи,
Не казни в эту пустошь и стужу:
Ведь тобою любимую душу
Промотал я, играючи в «жизнь».

ИЗДЕРЖКИ МОЛОДОСТИ

Мы начали разбег
Во дни, когда пустыня,
Захлёбываясь зноем,
Простёрлась до звезды.
Мы подгоняли век,
Боясь, что он застынет
Бесформенным изгоем
Без мысли и узды.
Мы торопились жить,
Наяривая души;
Мы порывались дерзко
Оставить в дураках
Размеренную жизнь,
И верили, что сдюжим.
Но торможенье – резко
В летящих поездах.
И открывает дверь
Нам проводник тщедушный —
И перед нами снова
Пустыня без конца.
Куда ж идти теперь,
Не знает даже Пушкин;
И не дано иного —
Как остудить сердца...

НЕПОДВЛАСТНОЕ ВРЕМЕНИ

На переломе
 времен и судеб
Никто не знает,
 что дальше будет:
Кого-то греет
 огонь надежды;
Кому-то лучше,
 как было прежде;
А кто-то в мутной
 воде реформы
Живёт прекрасно,
 как змей проворный.
Но я – всё тот же:
 всё так же каюсь
В своём былом,
 не пресмыкаясь.

«К вам обращаюсь я, братья во Пушкине...»

К вам обращаюсь я, братья во Пушкине
И во Некрасове, и во Есенине,
Песни сложите, зовущие к лучшему,
Песни сложите тюльпанны-весенние.
Мне всё равно, кто вам видится в Господе —
Будда, Аллах иль триада библейская, —
Лишь бы народы не ведали горести,
И не гноилась бы участь плебейская.
Лиры сомкните в едином звучании
С лирой Вийона и с лирою Байрона —
Ноты пусть льются мажорно-венчальные,
Но никогда, никогда погребальные.
В песнях живительных только спасение
Через любовь сквозь судьбу окаянную!
Братья во Пушкине и во Есенине,
Будьте чисты, совершив покаяние.

КОНЕЦ ВЕКА

Утерян смысл минувших дней,
Дней настоящих смысл не ясен.
«Телец золотой» в сердцах людей
Взлелеян, как младенец в яслях.
Вчерашний вор сегодня князь,
Партийный босс теперь фирмует;
Высокий дух затоптан в грязь;
Поэт угодливо рифмует.
Идём туда, где храма нет,
Где вместо храма – банк да биржа,
Где в правду метит пистолет,
А ложь – возвышенно-бесстыжа.
Теперь народу враг – народ,
Хотя вчера братались кучно;
Эстонец тем уж ныне горд,
Что он не русский иль не чукча.
Чего во имя разошлись? —
Во имя мании величья
Тех, кто случайно вознеслись
Из бессловесного безличья?
Им – наплевать на жизнь людей!
Как и на то, что в миг единый
Утерян смысл минувших дней
Сквозь дедов кровь, отцов седины...

«Мы стареем бесшумно и быстро...»

Мы стареем бесшумно и быстро
В многолюдном старенье Земли;
И судьба наша – эквилибристка —
Растворяется пылью в пыли.
Мы стареем (исход неизбежен)
Незаметно для мыслей своих.
Бег старенья безудержно-бешен,
Когда видим старенье других.
Мы стареем, но греем надежду,
Что не вся ещё старость пришла.
По ночам не смыкаются вежды;
Лишь сомкнутся – и зорька взошла.
Мы стареем, но вряд ли согласны
С этой поступью строгой времён:
Как мечты наши были прекрасны!
Как звучал васильковый тот звон!
Мы стареем, и вот уже близок
Рубикон между светом и тьмой...
Шторм прошёл... угасание бриза...
Вот и штиль... вот и полный покой...

«Раскрепощённая фривольна...»

Раскрепощённая фривольна
Небес раскидистая синь;
И мне уже совсем не больно —
Я новых набираюсь сил.
Невозвратно-непригодна
Куда-то сгинувшая горь.
Душа моя теперь свободна
Для зарождающихся зорь.
Благословенен и прекрасен
Грядущего священный лик.
И сам себе я не опасен,
Как океану – материк.

ГРУСТНЫЙ ОПЫТ ЖИЗНИ

На этом всё! – ни слова о любви!
Пора уgomониться, отдышаться;
Пускай других тревожат соловьи:
Зачем теперь покоя мне лишаться?
Любовь – прекрасна! Но, в конце концов,
Она куда-то тихо исчезает —
И ты – как прежде – не глядишь в лицо
Той, кто тебя – уже – не замечает.
О сумасбродство чудное страстей,
Какие сны ты навеваешь властно,
Какое ожидание вестей,
Какую блажь и необъятность счастья!
В такие дни приподнята душа,
И хочется молиться Гименею,
И раем мнится скудость шалаша,
Когда вдвоём ты с ненаглядной, с Нею!
Но срок всему есть! – и редуют сны,
И ты из сказки попадаешь в будни;
Уже не так дурманен хмель весны,
И в шалаше вдруг стало как-то нудно;
Разочарованно ты смотришь вдаль,
Душа пустеет, нет былых стремлений;
И что-то всюду видится печаль,
И ты стыдишься прежних вдохновений.
И чтобы как-то скуки избежать,
Ты новую любовь пускаешь в сердце...
Увы! недолго длится благодать:
Итог всё тот же! никуда не деться!
И, отдружив с печалью и тоской,
Ты, наконец, невольно понимаешь,
Что лучшее на свете есть покой,
Когда любви волнений избегаешь.
К тому же и смешно на склоне лет
Юнцом краснеть пред миловидной девой
И за спиной, смущаясь, мять букет
Иль под её окном рыдать напевы.
...Пускай других тревожат соловьи,
Но я табу накладываю грустно
На все слова и мысли о любви,
На всё, что чем-то беспокоит чувства...

«Мне больно видеть, как в твоих глазах...»

Мне больно видеть, как в твоих глазах
Из часа в час надежда угасает,
Как прежних дней мечты твоей размах,
Как солнце на закате, убывает.
Мне больно сознавать, что ты не ждёшь
От этой жизни ничего такого,
Способного изгнать из сердца ложь,
В тебя проникшую от друга рокового.
Мне больно слышать, как твой голос-плач
И слабый ветер заглушает просто,
Что ты сдалась на милость неудач
Безропотно, безвольно, без вопроса.
Мне больно чувствовать, что ты во цвете лет
Душой так быстро, резко постарела,
Как будто в жизни больше счастья нет,
Как будто ты навек, навек осиротела.
Мне больно осознать твой медленный уход
Из одиночества в безлюдную пустыню,
Что это я сорвал запретный плод
И осквернил прекрасную святыню.

СКАЗОЧНАЯ НОЧЬ

Вышел я в сад благовонный
Из дому ночью весенней;
Месяц застенчиво-томный
Нежно плескался в бассейне;
Вкруг его плавали звёзды,
Яблони, розы, сирени;
Ветер медлительно-поздний
Пел, как Синдбаду – сирены;
Тополь ритмично и плавно
Ветру подыгрывал кроной;
И получалось так славно
В этой гармонии скромной,
Что ощутил я волнение
В сердце, наполненном далью,
Будто любви возрождение
Веет откуда-то тайной.
Видно, не зря полусонный
Вышел я из дому ночью,
Чтобы в саду благовонном
Сказку увидеть воочию.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Ты когда-нибудь думал о том,
Отчего в этом мире жестоком
Торжествующе – «око за око» —
Зло всегда поощряется злом?
Почему так безвольно добро,
И добро от добра так далёко,
Непривычное «око для ока»
И не ново, и не старо?
Ты подумай об этом сейчас,
Попытайся проникнуть глубоко
В суть явления «око и око»
Под давлением пристальных глаз.
Поспеши! – ибо в мире шальном
Ты состаришься сердцем до срока,
И тогда уже «око от ока»
Твою душу повергнет в надлом.
И тебя не сумеет вернуть
Ни одно откровенье Пророка:
Ты уверуешь в «око на око»
И сойдёшь на погибельный путь.
Разорви на себе эту цепь
И не связывай звенья порока,
Чтобы хищное «око за око»
В вековечную кануло слепь.

«Во дни, когда иссохнут слёзы...»

Во дни, когда иссохнут слёзы
У обитателей Земли,
Я подниму останки розы,
Когда-то брошенной в пыли,
Развею их с высот небесных
На очерстевшую юдоль,
Чтоб воскресить огонь чудесный —
Любви страдания и боль.
Увы! но ныне царь Мамона
Воссел на трон Всея Земли;
Он Человечность свергнул с трона...
А роза... сломлена... в пыли...

«Не пытайтесь унижить поэта...»

Не пытайтесь унижить поэта:
Он скорее умрёт, чем отдаст
Свою честь на посмешище света
Под плевки свино-денежных каст.
Ведь поэт – это гордость природы,
Это высших миров блавест,
Это раб и хранитель свободы;
Всё, что есть у него – это честь!
Не старайтесь обидеть поэта
Злобно брошенным словом «рифмач»:
Ведь в четырнадцать строчек сонета
Он вместил ликование и плач.
Он сумел умереть и родиться,
И опять умереть и восстать,
Чтобы вам озаренья частицы
В виде музыки строф передать.
Не гоните вовеки поэта —
Он анафемы не заслужил.
Если пел он порывами ветра,
Значит, Бог эти песни сложил.

«И в строках, и в строфах, и в песнях, и в одах...»

И в строках, и в строфах, и в песнях, и в одах
Стремление к свободам, как будто в свободах
Спасенье от мыслей и нудности быта,
Возможность уйти от людей и событий:
Напрасны старанья, напрасны труды —
Пустое усилие – толченье воды.
В заоблачных высях, в надзвёздных мирах
Витают и гений, и люмпенский страх.
И здесь, на Земле, от погоды к погоде
Ты дань отдаёшь несвободной свободе;
И нервные клетки казнишь ежечасно,
И больно тебе, и от боли ужасно.
И вот уже сам ты бежишь от свобод,
Обходишь стремнину, надеясь на брод.
А там уже толпы таких же, как ты,
Тщедушно отвергших опасность мечты.
И, в очередь встав, ты почувствуешь тылом,
Как кто-то тебе уже дышит в затылок.
И вновь на бумагу наносишь у брода
И строки, и строфы, и песни, и оды...

ДАБЛУБАИ

Я однажды пошёл к мудрецу-старiku,
Чтоб узнать, сколько лет мне дано на веку
И какую мне Бог уготовил награду —
Благоденствия рая иль ада тоску.
И сказал мне старик, наблюдавший в саду,
Как усердно пчела предавалась труду:
«Коль пришёл ты ко мне только этого ради,
Ты – мертвец! и уже пребываешь в аду».

«Пронеслось. Улеглось. Отзвучало...»

Пронеслось. Улеглось. Отзвучало.
Но душа не смогла отойти
В предрассветный туман и начало
Своего рокового пути.

Избивали её оголтело,
Издавались над ней, как могли,
Но она не покинула тело,
Но она не ушла от земли.

Но из бездны мучительной боли
Для души без конца извлекал
Вдохновенье живительной воли
Недоступный любви Идеал.

И душа, отвергая соблазны
Мимолетных утех и ночей,
Ежедневно летала на казни,
Изумляя своих палачей.

Потому и в туман, и в начало
Своего рокового пути
Не вернётся она, Идеала
Не сумев чистоту обрести.

ПОГОВОРИ

Поговори со мною по душам:
Не утай ни слова, ни печали;
Не уводи в таинственные дали
Ни боль минувшую, ни грусть, ни срам.
Мы все грешны. И я не чист пред Богом,
И я вершил порочные дела,
Но никому не сотворял я зла,
Но никого я не ввергал в остроги.
Я преступал предел добра:
Оно мне возвращалось оплеухой
Или плевком, или развратной сукой,
Или предательством... Но было то вчера.
Сегодня же, оплёванный судьбою
И оклеветанный самим собой,
Я всё ж стремлюсь поговорить с тобой
О том, что связано во мне с тобою.
Но ты молчишь иль говоришь не то...
Но ты смеёшься иль уходишь взглядом...
Что от того, что я с тобою рядом,
Когда тебя не трогает ничто?
И всё же я через свои мученья
Прошу тебя: поговори со мной.
Так жаждет обессиленный больной
От безнадежной хвори излеченья.

ПОСЛЕДНЯЯ ПОСЛАНИЦА

Настанет день, настанет час —
И ты предашь меня.
За сорок лет горел не раз
Я в пламени огня
Коварства, лжи и клеветы —
И весь сгорел дотла.
Зачем же послана мне ты
В изящной форме зла?!
Не для того ль, чтоб возродить
И, насладившись властью,
Опять меня испепелить,
Отдав другому страсть?
Или в один прекрасный миг,
Насытившись игрой,
Ты бросишь мне: «Прощай, старик!
Мне скучно быть с тобой».
Предвижу это, но терплю,
Как прежде... и не раз...
Лишь потому, что я люблю
В тебе мой смертный час.

«Ты привыкла играть ежедневно...»

Ты привыкла играть ежедневно
На кого-то похожую роль:
То маньячку копируешь нервно,
То дублируешь чуждую боль;
То вдруг радость твоя громогласна;
То ты тихо смакуешь обман;
То развязность твоя сверхопасна,
Когда весь путанирует стан.
Понаслышке, по слухам, по фильмам,
По дешевым примерам подруг
Ты живёшь пустотою обильной,
Не вникая, кто враг, а кто друг.
И, тебя наблюдая безмолвно
В окруженье тупых кобелей,
Я рыдаю душою невольно
По бессмысленной жизни твоей.
И сквозь слёзы, текущие в титры,
Через сердце скребущую боль
Я молю: не играй в эти игры,
Эту в корне бездарную роль.

«По ухабам ночных звездопадов...»

По ухабам ночных звездопадов,
По дороге несбывшихся грёз
Ты идёшь в направлении гроз,
Где гремят в твой помин канонады.
Ты проходишь последний свой круг, —
А за тучами, в Космосе где-то
Твоя песенка молнией спета,
И душа не находит подруг.
Ты отвергнут, отторгнут, отброшен;
Твоё сердце, как плазма, в жару.
Даже здесь, на последнем пиру
Ты – чужак, ты – изгой, ты – непрошен.
И тебе остаётся принять
И пройти скорбный путь без остатка.
Эта жизнь – изначально загадка,
И отгадки не стоит искать.
Потому и гремят канонады,
И дорога ведёт в никуда,
И твоя упадает звезда,
Попадая в поток звездопада...

«Поймёшь и ты – настанет срок, ...»

Поймёшь и ты – настанет срок, —
Как без тебя я одинок,
Как без тебя на склоне дней
Возненавидел я людей.

И ты поймёшь, как понял я,
Что суть земного бытия —
(Хоть бредом это назови)
Познать восторг и скорбь любви!

Я верю в то, что ты поймёшь,
Как сокрушительная ложь
Сметает всё в единый миг,
Всё!... даже то, что не постиг.

Но вот сумеешь ли понять,
Что очень просто потерять
С трудом нажитый капитал —
Души чистейший идеал?

«Как долго я старею...»

Как долго я старею,
Как долго я терплю
Своё «Совсем не верю»,
Своё «Навек люблю».
Проходят годы глупо,
Проходит жизнь во бред:
Куда не глянь – всё тупо;
Что не скажи – во вред.
Бытует и резвится,
Тревожит и гнетёт,
Что эти рожи-лица
Ничто не проберёт.
Чем дальше, тем не лучше;
Чем дальше, тем черней;
Бесчинствует плюющий,
Отвергнут Гименей.
И лишь одно в спасенье,
И лишь одно во мне
Хранится утешенье
В сердечной глубине —
Что долго так старею,
Что долго так терплю
Своё «Совсем не верю»,
Своё «Навек люблю».

«Мне хочется, чтоб ты была со мной...»

Мне хочется, чтоб ты была со мной
Во всех моих победах и паденьях,
В моей тоске, в моей тиши ночной,
Во снах моих и светлых пробужденьях.
Мне хочется смотреть в твои глаза
И утопать в их глубине просветлённой;
Поведать то, что не успел сказать
Об одиночестве и жизни утомлённой.
Мне хочется уверенным быть в том,
В чём быть уверенным никто не может...
Я знаю, это – бред! И знаю, что потом
Мои мечты меня же уничтожат.

ТЫ ПОЛЮБИЛА!

А я не верил, а я не верил,
Что ты откроешь тугие двери —
Наперекор молве и грусти
Мою любовь к себе допустишь.
Ты так красива и неприступна;
Любить тебя – почти преступно.
Но мне твердили всё время люди:
«Она полюбит, она полюбит!».
А я не верил, я жаждал смерти...
Но был глас Неба: «Терпи и верь ты!
Храни надежду – и счастье будет:
Она полюбит, она полюбит!».
Но я не верил, но я метался
И сомневался, всё сомневался:
«Неужто сны вдруг явью станут?».
Так часто в жизни я был обманут!
Но мне шептали луна и звёзды,
Трава, листва, былые грёзы,
Вершины гор и ветра губы:
«Она полюбит, она полюбит!».
И вот, когда не стало мочи
Быть одному в зиндане ночи,
Ушло терпенье, какое было,
Ты полюбила! Ты – полюбила!

«Мне придётся уйти из твоих лабиринтовых буден...»

Мне придётся уйти из твоих лабиринтовых буден,
Мне придётся влачить одиночество в дальних краях:
Всё вокруг говорит, что мы вместе отныне не будем,
Даже отблеск в твоих потускневших от сплетен глазах.
Ты боишься людей... и, наверно, их надо бояться...
Не дано угадать, кто из ближних тебе навредит.
Я совсем не хочу, дорогая, с тобой расставаться,
Но не дремлют друзья, да и враг, как известно, не спит.
Мне придётся уйти, как уходят года, безвозвратно.
Я с собой унесу наши светлые дни и беду;
На прощанье скажу что-нибудь торопливо-невнятно
И тебя обниму, как в минувшем осеннем ладу.
Мне придётся уйти: я не вижу иного исхода.
Мне придётся уйти против воли своей и твоей.
И людская молва провоцирует глупость ухода:
Ей вовек не понять, что не входит в порядок вещей.
Мне придётся уйти. Но одна меня гложет тревога:
Что с тобой без меня может что-то произойти;
Оттого не спешу и в раздумье стою у порога,
И жалею о том, что придётся мне всё же уйти.

НАВЕРНО

Я, наверно, придумал тебя
Из минувших своих поражений
На полях беспощадных сражений
За любовь, за мечту, за себя.
Я, наверно, не понял того,
Что действительность – враг идеалу,
Что фантому любить не пристало
Никогда, никого, ничего.
Я, наверно, твой образ верну
Породившим его заблужденьям
И подвергну себя осуждению
За свою роковую вину.
Я, наверно, забуду твои
Разговоры, глаза, поцелуи
По причине растроченной всею
Извращённой хулою любви.
Я наверно предвижу итог:
Ты придумана будешь другими,
Но черты твои станут нагими...
То, что я допридумать не смог.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ

Ты будешь всегда надо мной издеваться,
Ты будешь всегда избегать моих слов.
Я был бы готов за тебя передрасться
Со всей этой сворой борзеющих псов,
Но ты, не сумевшая выйти из прежних,
Капризно-разнузданных дней и ночей,
Живёшь королевой надменной и снежной,
Не веря слезам обгоревших свечей.
И мнится порой, что на севере дальнем,
В глубинных пластах вековой мерзлоты
Замерзшее сердце в шкатулке хрустальной
Таишь от меня бессердечная ты;
И нет к той шкатулке сквозь тундру прохода —
Иначе б я вынул её из мерзлот,
Разбил бы хрусталь, и ещё до восхода
Сошёл бы с сердечка оттаявший лед.
Но нет никакой на спасенье надежды —
Шкатулка упрятана в глуби глубин.
Поэтому будут насмешки, как прежде,
Сопутствовать горю влюблённых седин.

«Ты спросила у моей печали...»

Ты спросила у моей печали:
«Отчего хозяин твой в слезах?
Оттого ль, что чайки прокричали
Об утопших в море небесах?»
И печаль ответила, что слёзы —
Памяти солёное стекло:
Сквозь него хозяин видит грозы,
И как море в небо утекло.
Ты у грусти у моей спросила:
«Твой владелец мрачен отчего?
Может быть, неведомая сила
Помутила разум у него?»
И сказала грусть: «Помимо воли
В мире всякое имеет быть.
Кто не испытал душевной боли,
Тот не ведал радости любить».
Ты у горя моего пыталась:
«Чем живёт владыка твой теперь,
Почему глядит он так устало
На молчаньем запертую дверь?»
И ответил сам я вместо горя:
«Перестань терзать мои мечты:
Ведь вослед исчезнувшему морю
Мое сердце бросила и ты...».

«...И век мне воли не видать...»

...И век мне воли не видать
За нежелание страдать,
За неумение терпеть,
Когда сечёт по сердцу плеть.
И век в плену мне пребывать
За роковую благодать
Лукавых глаз, коварных уст,
Убивших свет высоких чувств.
И век причину мне искать,
Как мог так быстро я устать
От верных звёзд и сладких снов,
Даривших блажь певучих слов.
И век пройдёт, как Божья рать,
И лягу я навечно спать,
Не превзойдя, как вечный плен,
Святую боль чужих измен.

«И эта осень мне не удалась...»

И эта осень мне не удалась...
Пора моих высоких вдохновений,
Ты изменять мне стала, ты сдалась
На милость зла и пагубных сомнений.
А были годы! – Помнишь, из дождей
Слагали мы живительные песни,
Бродили по бульварам ворожей,
И жизнь казалась сказкой интересной?
А помнишь год, тот самый лучший год,
Когда под сенью северного сада
Мы отrekliсь от горя и невзгод
И наслаждались фугой листопада?
Или тот год, когда наперекор
Всему тому, что как-то нам мешало,
Мы тучи и ветра соединили в хор —
И оратория во весь сезон звучала?
А что ж теперь? Пейзаж твой вроде тот,
И вроде ливни те же и бульвары,
И листопад... но где бывшие чары,
Чему никто названья не найдёт?!
Уж третий год твои сады и ветры
Мне реквием слагают и поют,
И я, как дервиш, отмеряю метры
По слякоти в разрушенный приют.
Пора моих печальных вдохновений,
Сними с меня свой сумеречный сглаз,
Чтоб через год не произнёс я пени:
И эта осень мне не удалась...

«Ты лишена романтики любви...»

Ты лишена романтики любви
Или, по крайней мере, упоенья
От колдовского жжения в крови,
Когда бурлит истомой вожделье.
Ты лишена способности любить,
Сходить с ума от чувств, высокой страсти...
Не потому ль ты продолжаешь жить
По легкому закону безучастья?

Что стоит жизнь, когда пуста душа?...

«Ход времени жесток и неподвластен...»

Ход времени жесток и неподвластен.
Года упрямо гнут и гнут судьбу.
Ты на сочувствие накладывал табу —
Так не проси ни у кого участия.
Ты отдавался полностью любви,
И, может быть, тебя любили тоже,
Но всё прошло – на одиноком ложе
Ты недвижим... Где женщины твои?
Кто о тебе – таком – отныне вспомнит? —
Теперь без денег ты, без чина и без дел.
Когда царит повсюду беспредел,
Кто твою чашу влагою наполнит?
Ты брошен всеми, как и заслужил.
Ты предавал и предан был друзьями.
Какая боль, когда перед глазами
Уходит в дым, чем в жизни дорожил!
Но время не умеет возвращаться
И никому пощады не даёт,
Оно лишь тихо всем преподаёт,
Как бережно с ним надо обращаться.

КОБРА И МАНГУСТ

А между нами всё так же пусто:
Живём, как кобра живёт с мангустом;
Терзаем все друг другу души,
Как будто нет решенья лучше.
Ты поддаёшься сторонним взглядам
И предаёшь мангуста гадам;
Тебя уводит любое слово;
Ты повторяешь зигзаги снова.
Но, вопреки твоим извивам,
Твоим укусам, внезапным взрывам,
Я терпеливо, свернувшись в узел,
Возобновляю кошмар союза,
Возобновляю союз непрочный
На миг любви недолгосрочный.
А после вновь всё – так же пусто:
Ведь кобра жаждет других мангустов.

«Есть человек – и, значит, есть сомненья...»

Есть человек – и, значит, есть сомненья,
Как есть во всём и дружба, и вражда.
Но быть должно и к истине стремленье,
Иначе жизнь – ненужная нужда.
Есть человек, и он живёт и дышит,
Пытаясь миру что-то объяснить,
Но мир его не слушает, не слышит,
А норовит изгнать или казнить.
Был человек... Его постигла участь
Загравленных любовью и хулой.
Но кто поручится, что мудрый Случай
Откроет истину дряхлеющей рукой?!

«Весь мир – театр, и люди в нём – актеры», ...»

«Весь мир – театр, и люди в нём – актеры», —
Шекспир сказал и успокоил души.
Века проходят, но никто не спорит
С тем, что легко отвергнуть и разрушить.
Да, мир – театр, но люди в нём – лишь куклы:
На ниточках висят они убого
(И движет ими не мираж-паук ли,
Что выдаёт себя всегда за Бога?).
И люди-куклы, думая, что сами
Вершат дела и мыслят, и страдают,
Не ведают, что там, за небесами
Концами нитей кто-то управляет.
И, видя, как безвольны куклы-люди,
Как глупо их пустое самомнение,
Я говорю себе: играть не буду
В театре кукол чьё-то шевеленье.
И под всевластным вечно небосводом
Я помечаю понятое меткой,
Что лучше быть незримым кукловодом,
Чем быть на публике марионеткой.

«Никто нам не скажет, куда подевались...»

Никто нам не скажет, куда подевались
Безумные ночи, волшебные сны.
Во имя чего мы так глупо расстались,
На боль и страдание обречены?
И небо, и звёзды, и море, и песни —
Всё нами дышало, всё было для нас!
Но что же случилось в тот час неизвестный,
В тот, словно убийца, подкравшийся, час?
Кому помешало двух душ единенье,
Друг друга нашедших судьбе вопреки?
Чья зависть внесла в эти души сомненье?
Никто нам не скажет, кто наши враги.
И в этой толпе малодушной случайно
Дано ли нам встретиться, свидеться вновь?
Причина разлуки – извечная тайна,
Но большая тайна – былая любовь.

ИЗГОЙ

Где же источник живительной влаги? —
Сил бы набраться, глотнуть бы воды...
Изгнан и предан, бездомным бродягой,
Сирым брожу по пустыне беды.
Жадно впиваюсь я жаждой в бездонный,
В этот гнетущий, безжалостный зной...
Мрачно безмолвствует город бетонный:
Он – неприступен, он – брезгует мной.
Слепну... немею... оглох... задыхаюсь...
Кто бы помог, поддержал... Никого!
О мир людей роковой! Отрекаюсь
И от тебя, и от зла твоего!
Брошен, отвергнут и другом последним,
Верой последней – любовью Твоей...
Всё в этом мире – безумные бредни
Лживых, коварных, преступных страстей!
Скоро ль конец этой горестной саге?!
Падаю в обморок... чую гробы...
Где же источник живительной влаги?!
Сил бы набраться – и прочь от судьбы!

«Ну! соверши свою ошибку...»

Ну! соверши свою ошибку,
В который раз одну и ту ж,
А после хитрую улыбку
Пусть твой разгадывает муж.

«И опять я, как встарь, одинок...»

И опять я, как встарь, одинок,
И дождливы, и сумрачны дни,
И опять от тебя я далёк,
И погасли на небе огни;
И печаль, и тоска, и хандра;
И на сердце и холод, и мрак.
Доживу ли, мой друг, до утра,
До рассветного лая собак?
Я лелею надежду в груди
И колдую, себе вопреки,
Что услышу сквозь боль и дожди
Так знакомые слуху шаги;
Распахнётся тяжёлая дверь,
И я ринусь навстречу судьбе,
Как на волю отпущенный зверь,
Буду бурно ласкаться к тебе;
И, в твои упавая глаза,
Задыхаясь от счастья, скажу:
«Как прекрасна святая гроза!
Я её для тебя ворожу!».
Ты задумчиво-грустно вздохнёшь,
К моему прикоснёшься челу,
Поцелуешь меня и... уйдёшь
В эту серую зыбкую мглу.
И опять я останусь один.
Будут сумрачны новые дни.
И опять гильотины гардин
Мне погасят на небе огни...

«О боги вечные! О боги дальние!..»

О боги вечные! О боги дальние!
Где вы оставили свои сандалии?
Не там ли, где лежат кощунственно
И всепрощение, и всемогущество?
А где же суд – Суд справедливости?
Благочестивый теперь в немилости:
Над ним толпа вершит судилище.
Всё перемешано в святом хранилище!
Куда вы дели, о златокудые,
И милосердие, и целомудрие?
В миру людей и ваших подданных
И честь, и совесть за злато проданы...
Отсортируйте своё величие
От непотребного и неприличного!
И уберите, многострадальные,
От глаза Господа свои сандалии!

«Дадут ли мне спокойно умереть...»

Дадут ли мне спокойно умереть
Мои враги – мои шальные песни?
Иль мне дано под пыткой в муках петь
И в том миру, в обители небесной?
Дадут ли мне в страданиях умереть
Мои друзья – несбывшиеся грёзы?
Или душе придётся отлететь,
Легко минуя вытекшие слёзы?
Дадут ли мне покинуть этот мир,
Не изменив своим бывшим поступкам?
И ты, мой нежный, мой былой кумир,
Всплакнёшь ли о былом о нашем хрупком?
Что рок сулит – того не подсмотреть!
Изнемогаю, жизнью утомлённый...
О, дайте мне спокойно умереть
В страданиях любви неразделённой!

«Я скажу тебе: «Здравствуй» после долгой разлуки...»

Я скажу тебе: «Здравствуй» после долгой разлуки.
Я скажу тебе: «Хватит нам обидами жить».
Я скажу тебе: «Больше не нужны эти муки:
Ведь друг друга мы всё ж не смогли разлюбить!».
Ты мне скажешь: «Привет» после долгой разлуки.
Ты мне скажешь: «Да, да, надо боли забыть».
Ты мне скажешь: «Всю ночь мне твои снились руки.
Я готова тебя с новой силой любить!».
И мы скажем «Прощай!» однодневной разлуке.
И мы скажем: «Теперь нет причины тужить».
И мы скажем: «О, как мы могли в этой вьюге
Целых двадцать часов друг без друга прожить?!».

«Томно кудри на плечи роняла...»

Томно кудри на плечи роняла,
Возносила мечтой к небесам,
Одурманивала, обвивала —
И я верил твоим чудесам.
Заворожен, безумен и светел,
Ликовал я воскресшей душой:
Наконец-то ту самую встретил,
Наконец-то святую нашёл!
Осиянный божественным ликом,
Очарованный сна волшебством,
Я в смятении робком и диком
Упивался своим божеством.
Вдохновенные дни обещали
Бесконечное счастье сердец,
Но, лукавые, не предвещали,
Что наступит печальный конец.
Томно кудри на плечи роняла,
Возносила мечтой к небесам...
На кого ты меня променяла?
Кто поверил твоим чудесам?

ЗВЁЗДНОЕ

Догорают последние звёзды,
Тихо тает на небе луна,
Уплывают таинственно грёзы
В те края, где царит тишина.
И забыты уже откровенья,
Как прошедшая горькая ночь,
Как далёкой весны вдохновенья,
Как былого безумия сочъ.
И проходим не ранним, не поздним
Ты по гулкой идёшь пустоте,
Вспоминая сгоревшие звёзды,
Проклиная, что были не те.
Может, это и лучшая доля:
Звёзды были! сверкали тебе!
Обожгли до неистовой боли?
Значит, так было нужно судьбе!
И, дойдя до конца и до края,
И не мысля себя превозмочь,
Ты увидишь, звезда, догорая,
Вдруг последнюю высветит ночь;
И найдёт на тебя озаренье —
Мол, за мраком коварных измен
Новой звёздочки свет и горенье —
Есть знаменье и знак перемен.
И вернутся уплывшие грёзы
Вместе с лунной сонатой ночей,
И померкнут все прежние звёзды
В свете звёздочки новой твоей!

«Мне надоело маяться...»

Мне надоело маяться:
Милая, успокой!
Не в чем мне больше каяться
Перед твоей тоской.
Мне надоело мучиться,
Видя, как ты грустна.
Осень была разлучницей.
Но на дворе – весна!
Видишь, природа в зелени,
Слышишь, поют цветы:
Благоуханьем велено,
Чтоб не грустила ты.
Я не хочу не нравиться
Влажным твоим глазам.
Дай же ты мне исправиться —
Или заплачу сам.
Мне надоело маяться!
Хоть до последнего дня
Буду, в чём хочешь, каяться,
Только прости меня!
Милая, брось печалиться,
Прошное обнови.
Всё хорошо кончается,
Если живёшь в любви!

«Пусть твои воспалённые взоры...»

Пусть твои воспалённые взоры
И бессонные ночи твои
Не печалят людские укоры
И поступки шальные мои.
Обуян неизведанной страстью,
Неизведанный пыл берегу;
К твоему роковому несчастью,
Я тебя разлюбить не смогу.
И кипят, и бушуют безумства,
И бесчинствует злая молва.
Но твои ли не выдержат чувства?
Но моя ль упадёт голова?
Пощадить бы тревожные взоры,
Не пытаться ни тебя, ни себя.
Ах, зачем в эти жгучие споры
Я втянул безрассудно тебя?
Ты грустна, ты в смятении робком,
Но ты терпишь удары судьбы
И не шепчешь покорно и кротко
Равнодушному небу мольбы.
Ведь они не помогут, не спрячут
Воспалённые взоры и дрожь.
Но глаза твои вовсе не плачут!
Где ты силы и волю берёшь?

«Ты стала чаще приходить...»

Ты стала чаще приходить
В мои виденья
И стала чаще мне дарить
Свои раденья.
А было время! – наяву
Ты приходила
И рифмам новую канву,
Смеясь, дарила.
И верил я, что счастье есть
На белом свете,
Что ты нашла (когда? – бог весть)
Судьбу в поэте.
Я верил в глаз твоих туман
И в жар объятий,
А после слёзы лил в обман,
Но без проклятий.
И много лет с тех пор прошло,
И дверь открыта,
И упоительное зло
Уже забыто.
И я с тех пор не выхожу
Из ожиданья
И сумасбродно ворожу
На миг свиданья.
Но всё, чего добился я —
Блажь привидений.
Не суть ли это бытия —
Ложь сновидений?

«А я любил, любил тебя...»

А я любил, любил тебя
И в дымном облаке мечтаний,
И даже в пламени страданий,
Печалюсь, мучаясь, скорбя.
Любил тебя и в песне птицы,
И в буре полуночных игр.
О! ни один на свете тигр
Так не любил свою тигрицу!
Я по тебе с ума сходил,
Я отметал твои измены
И сокрушал разлуки стены:
Так сильно я тебя любил!
Но ты ушла, ушла к другому,
Сама не зная, почему.
Я не завидую ему,
Как своему пустому дому.
И тот, другой, с кем ты теперь,
Он будет так же упиваться,
И будет так же опасаться
За день, когда не хлопнет дверь.
Мне жаль его, а не себя:
Я отстрадал своё, ему же
Лишь предстоит рыдать на стуже:
«А я любил, любил тебя...».

«Благодари судьбу, живущий...»

Благодари судьбу, живущий,
За всё, что есть и что имел.
Благословен будь, неимущий,
И ты, кто вдруг обогател!
Благодари судьбу за муки,
За раны сердца без вины,
За неслышанные звуки,
За неувиденные сны.
Благодари судьбу за счастье,
За скоротечную любовь,
За архаичное ненастье,
За неизведанную новь.
Благодари судьбу за память
И за беспмятство веков,
За всежигающее пламя,
За безобидность огоньков.
Благодари судьбу за службу,
За – сквозь достаток иль нужду —
Самоотверженную дружбу
И беспощадную вражду.
Благодари судьбу, живущий,
За всё, что выпадет иметь,
За шанс пожить ещё в грядущем
И неизбежно умереть.

«Спроси себя: зачем живу?..»

Спроси себя: зачем живу?
Затем ли, чтоб плодить молву,
Давая пищу болтунам
Твою судьбу низвергнуть в хлам?
Спроси себя: живу зачем?
Вполне возможно, чтоб, ничем
Не выделяясь средь людей,
Растратить жизнь, как прохиндей.
Зачем живу? – спроси себя;
Не для того ли, чтоб тебя
Не по заслугам вознесли,
А после за нос провели?
Зачем живу? – себя спроси;
Найдёшь ответ, не выноси
Его из дум своих на суд
Злоизвергающих иуд.
Спросив себя «зачем живу?»,
Уткнись в росистую траву
Неопечаленным лицом:
Всё предначертано Творцом!

«Для меня этот год – это год катастроф...»

Для меня этот год – это год катастроф:
Я друзей потерял и любовь не сберёг,
И в порушенных снах ускользящих строф
Мой повергнутый дух, как изгой, изнемог.
Я входил в этот год, полон светлых надежд,
И с мечтою покой обрести для души,
Но под топот и визг сумасбродных невежд
В чёрной коме пришлось мне мечту задушить.
И нирванит во мне, как мираж, суицид;
А в руинах стихов – замогильная тьма;
И слезятся глаза изобильем обид;
И всё глубже во мне катастрофа ума.
Доживу ль до конца разрушительных дней,
До начала других созидательных строф?
Всё, что было со мной, сохраню для людей:
Им ещё предстоит этот год катастроф.

«Я вышел из джунглей пороков мирских...»

Я вышел из джунглей пороков мирских,
Пустыня добра предо мною предстала.
Былым утомлён, озираю устало
Просторы последствий деяний людских.
Смотрю и не вижу малейшего следа,
Чтоб кустик добра от добра произрос.
Невольно проклятья я вслух произнёс,
А джунгли ответили отзвуком бреда.
И эхо смеялось, росло и росло;
Чудовищный хор обезволил пустыню;
И в хаосе рок опорочил святыню;
И множилось, множилось, множилось зло;
И было бессильно безмолвное небо;
И зноем пылала пустыня добра;
И завтра всё будет, как было вчера:
Всё доброе завтра провалится в небыль.
Расширятся джунгли пороков людских,
И зло будет злом поощряться свободно;
И я буду вновь проклинать, но бесплодно,
Пустынный исход совершений мирских.

«Я хотел бы тебе рассказать голоса...»

Я хотел бы тебе рассказать голоса
Ненавязчивых снов, приходящих ко мне.
Я хотел бы тебя убаюкать в лесах,
Где таинственный дух ворожит в тишине.
Я хотел бы тобой переполнить моря
И дыханье твоё вознести к облакам;
Я хотел бы тебе показать, как заря
Посылает лучи вслед минувшим векам.
Я хотел бы с тобой побывать на Луне,
Из мелодии звёзд чародейство извлечь
И в иные миры на крылатом коне
Дорогую тебя и родную увлечь.
Я хотел бы тебя никогда не терять
Ни в далёких мирах, ни на грешной Земле.
Я хотел бы тебе подарить благодать
И в сиянии дней, и в печальной мгле.

«Я придумал тебя из моих огорчений...»

Я придумал тебя из моих огорчений,
Изваял твою стать из тоски и тревог
И вложил в твою речь немоту отречений —
И другою тебя я придумать не мог.
Я осыпал тебя желтизной листопада,
Окаймил силуэт неизбывной мечтой.
От тебя ничего, ничего мне не надо —
Только радуй других и не мучайся мной.
Я придумал тебя для любви безответной,
Изваял твою стать для мучений моих,
Для бессонных ночей и печали сонетной,
Чтобы снова тебя изваять для других.

«В сонном шорохе осеннем...»

В сонном шорохе осеннем
Колдовством дремотных дум
Мне явился вдруг Есенин,
Опечален и угрюм.
Я спросил его: «Серёжа,
Отчего в твоих стихах
Так привольна и пригожа
Дева песенна в грехах?»
Он, не думая, ответил:
«Оттого, что мир любви
Не грехом телесным светел,
А симфонией в крови».
Я спросил: «Так отчего же
В дебрях слякотной молвы,
Извращён и искорёжен,
Не сберёг ты головы?»
Он задумался надолго,
А потом сказал: «Вполне
Может быть, что людям толком
Не пропел о Шаганэ».
И, вспомнив имя милой,
Он ещё угрюмей стал.
На плечо его уныло
Лист багряный опадал.
Но, стряхнув и лист, и думы,
Вдруг спросил он: «Бахтиёр,
А с чего ты сам угрюмый,
Отчего твой грустен взор?»
Я сказал: «Эх, брат Серёга,
Мир людей меня «достал»:
У счастливого порога
Потерял я Идеал».
«Не грусти, – сказал Есенин, —
Лиру звонкую настрой
И назло тоске осенней
О любви своей пропой!
Собери все звуки мира —
Звуков много Бог создал, —
И тогда душой и лирой
Обретёшь свой Идеал!»
Так сказав, исчез Есенин.
Я же слышу новый шум
В сонном шорохе осеннем,
В колдовстве дремотных дум...

«Приходите, друзья, приходите...»

Приходите, друзья, приходите
На могилу мою поплевать.
Приходите, враги, приходите
Мою память и дух оболгать.
Приходите и вы, роковые,
Кто ускорил мой скорбный конец,
Прослезитесь на дни золотые:
Их транжирил влюблённый мертвец.
Приходите и вы, незнакомки,
Я стихами вас не утомлю —
Обо мне вам расскажут негромко
Те, кого я любил и люблю.
Приходите, кто слышал когда-то
Обо мне и о песнях моих:
Вам расскажут, что жил не богато
И не бедно затворник и «псих».
Приходите и вы, кто по крови
Это сделать обязан: для вас
Я открою секреты любви,
Что скрывал я от пристальных глаз.
Приходите, кого не отметил;
Приходите, кого не назвал.
Я при жизни не очень был светел;
Умерев, может быть, засиял.

«Одинокая в небе луна...»

Одинокая в небе луна
Льёт печалью на нашу печаль.
Лёгкий трепет родного плеча.
Ты со мной отчего-то грустна.
Отвлекись от неведомых дум,
Расскажи, как жила без меня,
Начиная с разлучного дня,
Разлучившего нас наобум.
Ты молчишь, ты отводишь глаза,
Ты не хочешь того вспоминать,
Как небесную серую рать
Привела за собою гроза.
Ты не хочешь того теревить,
От чего зарыдает душа:
Те просторы и рай шалаша,
Где имели мы счастье любить.
Прислонись же к плечу моему,
Полувлажные веки сомкни:
Про твои одинокие дни
Я по тяжким вздыханьям пойму.
По ладони прозрачной твоей
Угадаю, что было с тобой:
Как пыталась одной ворожкой
Ты бороться с печалью своей.
Я отныне тебя не отдам
Ни грозе, ни тоске, ни тебе,
Ни другим, ни твоей ворожке,
Ни тебя изменившим годам.
Ты в волшебной стране полусна.
Я теперь над тобой ворожу.
Не узнает, о чём я твержу
Одинокая в небе луна.

«Не обретёшь врага, сдаваясь...»

Не обретёшь врага, сдаваясь.
Не бросишь друга, не солгав.
Не похоронишь, улыбаясь.
Не вознесёшься, не предав.
Лукавы жизни постулаты;
Им повинуюсь, все живут
И дня заслуженной расплаты
Самоотверженно не ждут.
И мы с тобой идём по жизни,
Не удивляясь ничему,
Не выражая укоризны
Ни даже Богу самому.
Но не предать бы нам друг друга,
Не остудить бы нам сердца,
И не попасть бы нам в услугу
Улыбке смрадной подлеца.
Нам не нужны мирские блага —
Вреда людей бы избежать.
И будет пусть дана отвага
Нам никого не осуждать.

«Я побывал в садах Семирамиды...»

Я побывал в садах Семирамиды,
У Вавилонской башни постоял
И памятник при жизни изваял,
Подобно Дарию, и надписал:
«Я жил в любви, но умер от обиды».

Обижен я не на друзей былых,
Забывших мною и меня забывших,
Не на врагов, так много мне вредивших,
Не на подруг, сегодняшних и бывших,
Меня спасавших от стихов моих.

Обижен я не на людей жестоких,
Не на коварство их и не на зло:
Мне никогда на добрых не везло.
На зло я отвечал добром назло.
Не такова ли участь одиноких?

И не тебе слова упреков шлю:
Моя любовь осталась без ответа —
Во мне ты не увидела поэта.
Пусть будет так! и, может быть, за это
Я никогда тебя не разлюблю.

Но, побывав в садах Семирамиды,
Вкусив чудес великих благодать,
Обижен я, что памятника стать
Я осквернил порывом надписать:
«Я жил в любви, но умер от обиды».

АЛИ КУШЧИ

Как часто я, о жизни размышляя
И удручён предательством друзей,
Али Кушчи невольно вспоминаю,
Достойнейшего мужа среди мужей.

О верный друг владыки Улугбека,
Али Кушчи, спаситель «Книги звёзд»,
Твой подвиг сохранил для человека
Труды властителя небесных грёз!
Ты не сбежал, не струсил, не укрылся,
Когда Абд аль-Латиф отдал приказ
Убить отца, от коего родился,
И Улугбека умертвил Аббас.
Ты мог сбежать, но, предан Улугбеку —
Учителя достойный ученик! —
Всё ж предпочел науки свет побегу
И храбро спас для мира Книгу книг,
И обессмертил имя и творенья
Царя небесных сфер и мудреца,
И сам навеки избежал забвенья,
Не потеряв ни чести, ни лица.

Как часто я в плену своей печали
При свете робком плачущей свечи
Шепчу душе: а ты не повстречала
Души такой, как у Али Кушчи.
Не повезло... Но, может быть, в грядущем
Настанет срок, и в лабиринте мук
Я, осенён удачей вездесущей,
Найду тебя, мой неизвестный Друг.

«Я не могу отречься от былого...»

Я не могу отречься от былого,
От наших встреч в осенний листопад,
Когда под сенью неба голубого
Нас вежливо встречал безлюдный сад.
Вы были так спокойны и красивы,
Задумчиво смотрели на меня;
Ваш взгляд вселял уверенность и силы.
И в эти дни был счастлив, счастлив я!
Вы говорили медленно и тихо
О море, о поэзии, о снах,
О том, как чуден жемчуг облепихи,
О том, как дивно солнце в небесах.
Я слушал Вас, мне были интересны
Все Ваши мысли, Ваши все слова.
Во мне горел огонь любви небесный;
Я страсть свою обуздывал едва.
Я слушал Вас, перебывал не часто,
Никак не мог произнести «Люблю»:
Казалось мне, что потаённой страстью
Я образ Ваш и душу оскорблю.
Я Вам внимал и трепетно, и нежно,
Не смея прикоснуться, приласкать;
На Вас смотрел я робко и прилежно —
Но то была святая благодать!
Я счастлив был в осеннем листопаде,
В смятении невысказанных слов,
В незримом единении, усладе
Блаженных душ и благодатных снов.
Но день настал. И я в саду угрюмом
Один бродил по снежной пустоте;
Я был охвачен болью и безумьем,
Шепча мольбы несбывшейся Мечте.
Прошли года. Мне не дано иного —
Твержу себе и в опустелый сад:
Я не могу отречься от былого,
От наших встреч в осенний листопад...

«Не меня ли ищешь, ветер легкокрылый?..»

Не меня ли ищешь, ветер легкокрылый?
Не мою ли душу выветришь собой?
Я с тех пор сердитый, я с тех пор унылый,
Как затеял ссору с собственной судьбой.
Ты так много видел, ты так много слышал,
Помогал кому-то, а кому-то нет.
Как там, за морями, брошенные дышат?
Как там, за горами, лечатся от бед?
Из каких видений зелия готовят?
На какие чары душу ворожат?
Или, как повсюду, в алкоголе топят
Всё, что изменило, чем не дорожат?
Ах, как я хотел бы улететь с тобою
В ласковые дали, в тихие края,
Где бы примирился я с моей судьбою,
Где бы не тревожил прожитое я.
Но лететь с тобою не дано мне свыше;
Выветри же душу, унеси оскал.
Где ж ты, легкокрылый? – Я тебя не слышу!
Улетел игривый... не меня искал...

«Я заставлю мечтать обречённую душу...»

Я заставлю мечтать обречённую душу,
Иллюзорные сны и сомненья твои,
Всё неверье твоё беспощадно разрушу
И верну твою жизнь в лоно чистой любви.
Я тебя проведу по таинственным чащам,
Познакомлю с моей золотой тишиной;
Ты увидишь в лесу, вдохновенно молчащем,
Упоительный мир, навороженный мной.
Я тебе поднесу листья доброго клёна
И берёзовый сок – на ладонях моих;
Ты губами прильнёшь в грациозном наклоне
Не к ладоням – к душе, где рождается стих.
Я к тебе подведу все деревья лесные —
Приласкай их, утешь вместе с ними себя,
И минувшие дни, как сомненья пустые,
Не бери в новый мир, где все любят тебя.
И, заставив мечтать твою бедную душу
И свой грех замолив перед болью твоей,
Я покину тебя, океаны и сушу,
Чтоб мечтала ты вслед за душою моей.

«Есть что-то заветное в тихой тоске...»

Есть что-то заветное в тихой тоске,
Когда ты не видишь пустыне конца,
А ветер рисует холмы на песке,
Во всём повинуюсь веленьям Творца.
Идёшь по пустыне, а дюны растут,
И плавно ползут за молчаньем твоим;
И призрак вдали обещает приют;
А ветер в художестве неутомим.
И падаешь в дюны иссохшим лицом,
И весь погружаешься в бездну песка,
И дух твой уже обезволен Творцом...
Но что-то заветное шепчет тоска —
И ты поднимаешь себя, обновлён
Неведомым зовом фантома вдали,
И вновь для тебя продолжается сон
Иллюзий реальных волшебной Земли!

«Я нашёл тебя среди пустыни...»

Я нашёл тебя среди пустыни
Многолюдных гадостей и бед:
Ты справляла дочери крестины,
Я спасался от пустых побед.
Ты была улыбчива в печали
И текла со всеми наравне
В ничего не значащие дали,
И случайно повстречалась мне.
В круговерти серости и буден
Я свои мечты уничтожал
И жалел, что мир так многолюден.
Но тебя случайно повстречал.
И теперь, когда назло порокам
И молве людской, и клевете
Мы уходим в глухоте к пророкам
И к мирским соблазнам в слепоте,
Нам не стоит медлить и смущаться,
И себя в условностях губить:
Коль сумеем с прошлым распрощаться,
Значит, сможем в будущем любить!

«Не мой ли сон минувшей ночью...»

Не мой ли сон минувшей ночью
Тебя тревожил и ласкал,
И на сегодня напророчил
Людей язвительный оскал?
Ты не печалься: люди – мелки:
Старайся их не замечать;
Они, как жалостные белки,
Лишь с колесом вольны играть.
Им недоступен пыл высокий,
Им недоступен жар души,
А посему страдать глубоко
Весёлым сердцем не спеши.
Отвергни чёрстных и бездарных,
Дурные мысли отгони
И вдруг словес высокопарных
На почву злых не пророни.
Таких «сегодня» будет много,
Как много будет и «вчера» —
Но ты надейся, неотрога,
На «завтра» – и пройдёт хандра.
И, вопреки порокам мира,
Молву-хулу отбросив прочь,
Я нежным ангелом эфира
В твой сон войду в любую ночь.

«Взмахни ветвями, взлети и взвейся...»

Взмахни ветвями, взлети и взвейся,
Любвеобильный печальный клён!
На грусть берёзки ты не надейся:
В неё взаимно дубок влюблён.
Из рощи чуждой лети далёко
Пречудной птицей без головы!
Судьба игрива, судьба жестока —
Спасай полётом мечту листвы.
Лети, несчастный, лети на счастье!
Взмахни ветвями и улетай!
Погода лётна, не жди ненастья.
Как много в небе древесных стай!

«Есть высокое чистое чувство...»

Есть высокое чистое чувство,
Выводящее душу в эфир,
Где парят естество и искусство,
Где возвышен таинственный мир;
Там – земное в единстве с небесным;
Там – гармонии царство и блажь;
Там – обычное слито с чудесным
И чудесен обычный мираж;
Там – вневременен, тих и свободен
Вознесённый бессмертием дух;
Он, как истина, гордо природен
И надмирен, как космоса слух;
И душа торжествует в эфире;
И божественна вечная новь;
И от чувства живительно в мире:
Это чувство святое – любовь!

«Я ничуть, нисколько не жалею...»

Я ничуть, нисколько не жалею
О твоих изменчивых глазах.
Всё равно я выживу, сумею
Обрести опору в образах.
Всё, что было, было не случайно:
Всё жило велением небес.
Для тебя мои страдания – тайна.
Для меня твоя измена – бес.
Ну и пусть моих врагов насмешки
Камнепадом потчуют меня,
Я уйду медлительно, без спешки,
Твоего не трогая огня.
Ну и пусть, что ты переметнулась
В подлый лагерь мне враждебных сил —
Ты сама так глупо обманулась,
Ты сама... А сколько я просил:
«Дорогая, выкинь мусор дури
Из своих колеблющихся снов:
На земле никто не видел гурий
И божественных не слышал слов».
Я хотел спасти тебя от краха,
От самой себя тебя спасти,
Но из тьмы неведомого страха
Не смогла себя ты увести.
Пусть напрасны все мои старанья,
Но жалеть о прожитом с тобой
Я не буду. Я люблю страдания:
Только в них мы ценимся судьбой.
В океан церковных песнопений
Я волью бальзам былой любви,
Чтоб для новых выжить вдохновений,
Чтоб не проклинать глаза твои.

«Не страдал, не мучился, не плакал...»

Не страдал, не мучился, не плакал.
Всё прошло – как ветер пролетел.
И душа, мой вымышленный сталкер,
Как всегда, осталась не у дел.
Не поёт, не жаждет, не тревожит;
Отхотелось грезить и летать:
Если песню в будущем и сложит,
То стихи не станут ублажать.
И в себя вхожу, как в подземелье —
Беспросветный, но спокойный мрак;
Не забыто прежнее веселье
И забыть не можетя никак.
Но зачем, к чему былое помнить?
Всё прошло, и ветер пролетел.
Нечем душу тешить и наполнить.
Ты не трать, Амур, напрасно стрел!

«Откуда глаз твоих надрыв? ...»

Откуда глаз твоих надрыв? —
Скажи на милость.
А рядом я – едва ли жив,
Питая хилость.
Не от дождя ли пролилась
Вина на плечи?
Ну почему ты отдалась
Случайной встрече?!
Бывают слабости на миг,
А после – слёзы.
Но от позорящих вериг
Спасают розы.
Ты в разноцветном мире роз
Честь не уронишь
И вновь меня полётом грёз
За сердце тронешь.
И вновь ясней твой станет взор,
И дух воспрянет —
И наш позориться позор
Навек устанет.

«Стихи не пишутся – стихи рыдаются...»

Стихи не пишутся – стихи рыдаются,
Стихи взрываются, стихи поют;
Когда вулканами вдруг извергаются
Стихией песенной – их признают.
Когда податливой душе не можетя,
Когда всё чувственно, когда кипит,
Когда страданием виденья множатся,
Когда безумием живёт пиит —
Тогда порывами стихи рождаются
И прорываются, и без конца
Пространства рифмами все осаждаются,
И всюду видится печать Творца!

«А что она пела? Про что она пела?..»

А что она пела? Про что она пела?
Кого наповал эта песня свалила?
Страсть побеждает и душу, и тело:
К небу – душа, а для тела – могила.
Зачем она пела? Кому она пела?
Кому повезло быть помянутым песней?
Музыка страсти ко сну подспела:
Тело – в могиле, душа – в поднебесье.
В слезах она пела! На скорбь она пела!
И песня подобьем была лебединой!
Тихо певичы душа отлетела,
Тело сошло в упокой двуединый.

«А ты способен на полёт ...»

А ты способен на полёт —
Полёт души твоей никчемной,
Когда от зависти пречёрной
Замуровал её ты в грот?
А ты способен для мечты —
Мечты из детских лет наивных, —
Отрекшись вдруг от меркантильных,
Достичь духовной высоты?
А ты способен на любовь —
Любовь без выгоды и фальши,
Так, как любили люди раньше —
Не превращаясь в зла рабов?
А ты способен...? Что за бред?!
Тебя ли спрашивать о вечном
В твоём иудстве бесконечном
Под звон ворованных монет?!

«Настанет срок – и я умолкну...»

Настанет срок – и я умолкну,
Избавлю мир от снов своих,
И лишь души моей осколки
Падут туда, где ветер тих.
Избавлю гомон человеческий
От новопесенных клише,
От непонятной миру речи
В моей заброшенной душе.
Умолкну я – умолкнет ревность,
И ты, любимая, вздохнёшь,
Блюдя «устойчивую» верность,
К другому скоро ускользнёшь.
И так же будешь жить лукаво —
И предавать, и продавать,
Смертельным норовом удава
На миг избранника терзать.
Умолкну я... но жаль мне звуков,
Мной не услышанных досель
В пустынной песне зноя юга,
Когда на севере – метель!
И жаль мне песенную заметь:
Умолкну я – умолкнет мир.
Умолкну я – умолкнет память,
Как беззвученный эфир.

«О душе, о душе, о душе...»

О душе, о душе, о душе
Каждый стих, каждый звук, каждый вздох.
О другом не поётся уже:
Значит – стар, значит – слаб, значит – плох.
О тебе, о тебе, о тебе
Не рифмуется даже «судьба»,
И выходит назло ворожке
«Ворожба», «ворожба», «ворожба».
О былом, о былом, о былом
Помнит снег, помнит смех, помнит грех:
Всё, что мы испытали вдвоём,
На виду завершилось у всех.
О друзьях, о друзьях, о друзьях
Не хотел, не хочу, промолчу.
Благородное чтут в образах,
Но быть верным не всем по плечу.
Без конца, без конца, без конца
Каждый стих, каждый звук, каждый вздох
Бьют жестоко по морде лица...
Я не умер, но конь мой издох.
И пора, и пора, и пора
О душе, о душе, о душе:
От добра не получишь добра —
Надоевшее миру клише.
О душе, о душе, о душе
Молча лень, молча день, молча тень.
Но никто не возложит уже
На глухую могилу сирень.

«Распоясался ветер дурманный...»

Распоясался ветер дурманный:
Всё сметает, ломает и бьёт.
Ты, случайно, не морем ли пьяный?
Эй, безумный! умерь-ка полёт!
Что стряслось, что случилось с тобою?
Что буянишь, как дегенерат?
Неужели спасёшься гульбою
От обиды? Послушай-ка, брат,
Пусть тебя позабыли берёзы,
Пусть тебе изменила сосна,
Пусть и тучи не вылили слёзы,
Пусть сердитым ты встал ото сна,
Но при чём здесь трава и фиалки?
Незабудки, они-то при чём?
Неужели невинных не жалко,
Неужели быть сладко бичом?
Есть на свете и пальмы, и липы;
Где-то ждёт тебя стройная ель!
Ты прислушайся к северу: всхлипы
Издаёт еле слышно метель.
Если ты позабыт и отвергнут,
Если изгнан любимой своей —
Значит, с трона их сердца ты свергнут,
Значит, нужно забыть их скорей.
Поднимись к облакам в поднебесье,
Пролети над простором морским —
С их гармонией истинной слейся,
Не печалься изменам мирским.
Успокойся, о ветер дурманный!
Всё на свете идёт чередой.
Я подобный свой рок окаянный
Пережил и, как видишь, живой.

«Я к тебе вернулся из разлуки...»

Я к тебе вернулся из разлуки,
Из твоих обид и заблуждений,
Из молвы, хулы и осуждений,
И собой принёс немые звуки.
Я тебе не выражу упреков
Ни словами, ни печальным взглядом;
Молча прислонюсь с тобою рядом
К памяти – источнику уроков.
Робко прикоснусь к твоей ладони,
К волосам твоим прильну глазами —
И мечты твои расскажут сами
Хрупкое парение гармоний.
Вызволю тебя из нелюбови,
Нежностью окутаю бывшего —
И душа твоя поверит снова
В душу дорогого нелюбого.
И тогда ты сердцем улыбнёшься,
И глаза твои прошепчут звуки:
«Я к тебе вернулась из разлуки,
Верила, что ты меня дождёшься».

«Если мир непонятен и грозен...»

Если мир непонятен и грозен
Для твоих неиспорченных дум,
Ты уйди в отдаленье к берёзам
И послушай их благостный шум.
Ты прислушайся к музыке ветра,
Ты прислушайся к песне берёз —
И погрузишься в тайные недра
До тебя не изведанных грёз.
И навеется сладость покоя
На несчастную душу твою:
Ты увидишь цветенье левкоя
И магнолий в далёком краю.
И в просторы красивой нирваны
Ты войдёшь под берёзовый шум,
И прекрасные звёздные страны
Станут темой медлительных дум.
И откроются вешние тайны,
Прояснятся и мир, и душа,
И берёзовой роще хрустальной
Ты поклонись, новью дыша.

ЗАФАРУ

Есть в этой жизни тайные пристрастья,
Как есть и всем известные дела,
Но быть отмеченным печатью счастья
Дано лишь тем, чья совесть не лгала.
Есть в этой жизни многое такое,
Чего не избежать, не объяснить:
Напрасное желание покоя
И суетное рвение страстить.
Есть в этой жизни сумраки и мраки,
Есть в этой жизни солнечные дни;
За честь любимой существуют драки,
За честь свою – не драки лишь одни.
Есть в этой жизни Родина – любима
Она всегда с младенческих основ.
И есть на свете горькая чужбина —
Земля чужих огней и чуждых снов.
Есть в этой жизни главное богатство —
Высокий дар, угодный всем богам:
Не совершать до смерти святотатства,
Беречь друзей и воздавать врагам.

ТОСКЛИВАЯ ЛЮБОВЬ

Мы перестали удивляться
Моей любви, твоей тоске.
И вроде тянет нас расстаться,
Но мы молчим. Рука в руке.
Весны начальные капли
Как будто где-то вдалеке.
А мы с тобою надоели
Моей любви, твоей тоске.
И мы молчим. Сказать не смеем
Моей любви, твоей тоске,
Что оглянуться не успеем,
Как наши дни – на волоске!
Седые волны разбивают,
Смывают замки на песке,
Как будто гибель предрекают
Моей любви, твоей тоске.
И сколько жить ещё на свете
Моей любви, твоей тоске,
Не знаем мы, не знает ветер,
Не знают люди в городке.
И сны порядком подустали,
И рок пульсирует в виске.
Мы удивляться перестали
Моей любви, твоей тоске...

«Люди едой озабочены ...»

Люди едой озабочены —
Что бы купить иль продать.
Долларом всё разворочено.
Кто бы мог песню подать?
Люди, подайте мелодию
На пропитанье души
Или напойте рапсодию
Из меркантильной глуши!
Чёрство народ базальтовый
Мимо к ларькам бежит,
А на тоске асфальтовой
Сердце, как шляпа, лежит.
Бросьте хоть нотку малую!
Рифму подай, земляк!
Или, как шутку шалую,
Звонкий швырни пятак.
Занято место лобное.
Сердце – пустым-пусто.
Где же вы, люди добрые?! —
Хоть бы откликнулся кто.
Люди едой озабочены,
Хлебом насущным – все.
Души в авоськи вворочены
На роковой полосе.

ПРОРОК

Я был во сне. Вдруг хор созвучий,
Подобно страсти роковой,
Вонзаясь в ночь и в сон дремучий,
Воззвал из глуби вековой:
«Довольно спать! Восстань, несчастный!
Твой жребий ждёт тебя в глуши
Непроходимой и прекрасной,
И неизведанной Души!
Покинь бездейственное ложе! —
Твой дар высоким Небом дан!
Тебе безмолвствовать негоже:
Душа – земля и океан —
Твоих глаголов ждёт певучих,
Твоих пророчеств огневых,
Твоих прозрений вещих, жгучих
И откровений ножевых.
Восстань! И, Небом осенённый,
Все тайны истин огласи
И каждый звук произнесённый
К чертогам Бога вознеси!».
Мне голос был ночного хора —
Он звал из бездны вековой.
И я восстал! И знаю, скоро
Приму свой жребий роковой!

ПЕВЕЦ

Вас было много. Он – один:
И друг единственный – отрёкся.
Певец в любви своей обжёгся —
Средневековый паладин!
Вас было много роковых,
Пустых хулителей искусства;
Вам были чужды страсть и чувства —
Вы осмеяли злобно их.
Но шёл певец своей дорогой,
Но пел певец, как раньше пел,
Он вам простил ваш беспредел:
Вам наказание – от Бога!
Вас было много. Он – один.
Вы души наглухо закрыли,
Вы только били, били, били,
И с вожаком был всяк един.
Вас было много без сердец,
Вас было много против чести,
Но он – один – не жаждет мести,
Толпой затравленный певец.

ТЕБЕ

Ты не простила мне того,
Что проиграл я бой толпе
И на слепой войны тропе
Не уничтожил никого.
Ты не простила мне того,
Что в битве с челядью тупой
Я не пожертвовал тобой,
Себя подставив самого.
Ты не простила мне того,
Что самой худшей из подруг
Была ты вырвана из рук
Моих и сердца моего.
Ты не простила мне того,
Что я так много потерял
И так беспомощно рыдал
Во мрак ночей, во мрак всего.
Ты не простила мне того,
Что я не умер от обид,
Когда был дьявольски избит
Изменой духа твоего.
Ты не простила мне того,
Что я воскрес из клеветы,
В то время, как трусливо ты
Чернила друга своего.
Ты не простила мне того,
Что в сердце зла я не коплю
И что по-прежнему люблю
Тебя, создав из ничего.

ПРО ЛЮБОВЬ

Ты не смогла во мне убить
Любовь к твоим капризам.
Не разучился я любить
Как сверху, так и снизу.
Перестаралась ты, губя
Высокий мир духовный;
Но я люблю, люблю тебя
В моей тоске греховной.
Ты исчезала на века,
А, может, на эпохи,
Но тень твоя издалека
Мои ловила вздохи.
Ты появлялась, как снега,
Метелила минуты
И мчалась прочь, как от врага,
В чужбинные приюты.
Но не смогла в себе убить,
Как и во мне, истому
Любить, любить, всегда любить
Вот так и по-иному!

«Напомни мне, о Муза Плача...»

Напомни мне, о Муза Плача,
Когда меня найдёт удача,
О чёрных днях моей души —
Эпохи, прожитой в глуши.
Напомни мне во дни успеха,
Когда один в тоске, без смеха
Я жил изгоем и вдали
От всех людей, от всей земли.
Напомни мне Её измену,
Когда в отчаянии вену
Я вскрыл себе, и всею кровью
Пыталась оправдать любовь.
Напомни мне в салюте славы
Друзей испорченные нравы,
И как я был во всём похож
На беззащитную ложь.
Напомни мне, о Муза Плача,
Когда меня найдёт удача,
О том, что глупо ликовать:
Недолго длится благодать.

«Моей ли жертвой усомнишься...»

Моей ли жертвой усомнишься,
Когда вокруг все предают?
Моей ли смертью облачишься,
Идя в слезах в чужой приют?
О Небо! Что творится в мире?!
Душа не близится к душе.
Уж нет души в былом кумире,
И нет души во мне уже.
О мой кумир, моя отрада,
Моя печаль, моя любовь,
Мечты бальзамная услада,
Тебя, мой друг, увижу ль вновь?!
Ни странный лепет уст безумных,
Ни принуждённые мольбы
Не обретают в дебрях шумных
Мирского хлама лик судьбы.
И там, в безрадостном приюте
Чужого смеха, рук чужих,
Ты вспомнишь ли в мгновенной смуте
О наших днях, о нас двоих?
Ничто не в помощь! – Усомнилась
Ты в жертве искренней моей
И самостийно отделилась
От веры чистой прежних дней.

Ш.

Больно уходит век.
Милая, оглянись.
Разве в одышку бег
Тем, кто стремится ввысь?
Пусть постарели мы,
Но молода душа:
Из непроглядной тьмы —
Проблески шалаша.
Странно уходит век —
Поступью стариков,
Пылью библиотек,
Памятью всех веков.
Нам ли в унынье впасть?
В тесном раю – простор.
Дай же мне впитаться всласть
В твой истомлённый взор.
Слёзно уходит век:
Хочется, да не невмочь
Снова испить из рек
Звёзды, луну и ночь.
Милая, улыбнись,
Вновь очаруй меня.
Нас осеняет высь
Ветхим заветом дня.

ТЬМА

И день прошёл, и ночь прошла
С тех пор, как молча ты ушла;
Опять, наверное, к нему...
Так тьма извечно входит в тьму.
И год прошёл, и век прошёл...
Как ни искал, я не нашёл
Твоих следов во тьме из тьмы:
И «ты» и «я» – уже не «мы».
И жизнь прошла, и всё прошло...
Увы! нас счастье не нашло.
Печально сердце без ума
И всё, чего коснётся тьма.

«Если я тебя увижу в белом сне...»

Если я тебя увижу в белом сне
В белом платье на снегу иль на коне
Белом, в белых туфельках на белу ногу —
Не проснусь! И будет то в угоду Богу.
Если я тебя увижу в чёрном сне
В чёрном платье траура и в стороне,
Погружённую во тьму сомненьем чёрным —
Не проснусь! И будет то в угоду чёрту.
Если я тебя увижу наяву
В разноцветном одеянье – в синеву
Глаз твоих и в радужность улыбки светлой
Я навек войду, мой друг, бессонным ветром!

«Из того, что написалось...»

Из того, что написалось,
Очень хочется понять:
То не ты ль со мной встречалась
В дни, когда я мог летать?
И не ты ль была мне Музой
В колокольный звон любви?
Если ты – не будь обузой,
Сердце в клочья мне не рви.
Если всё, что написалось,
Нашепталось мне тобой —
Лучше б ты с другим якшалась:
Ну, на кой мне в чувствах сбой?!

ГЕНИЙ

Вам не дано, не суждено
Увидеть то, что видит гений:
Он – вечный раб хулы, гонений;
Но он – избранник всё равно!
Он избран Богом, избран небом,
Он избран звёздами, луной,
Звучащей космосом струной,
Полями, ветром, градом, снегом,
Людскою завистью, молвой,
Чтобы открыть глаза немногим,
Чтоб быть мишенью зло-убогим
И поплатиться головой.
И он – избранник – вопреки
Инстинкту самосохраненья,
Идёт путём самосожженья
Во имя вас, его враги.
И он сгорит, как волокно,
В костре бушующем гонений.
Но жизнь прожить, как прожил гений,
Вам не дано, не суждено!

«Мне кажется, что рано или поздно...»

Мне кажется, что рано или поздно
Всё образуется – и новый мир
Фиалково, благоуханно, звёздно
Созвучием, торжественностью лир
Окутает гармонией Природу,
И в душу каждого прольётся свет,
И мы с тобой желанную свободу
Вдруг обретём на много ярких лет.
Мне кажется, что рано или поздно
Настанет день – и станешь ты моей!
И новый мир – прекрасный и бесслёзный —
Нас наградит за муки прежних дней;
И небо ниспошлет благословенье
Преодолевшим горечь и беду
За нашу волю и долготерпенье,
За веру в райское в навязанном аду.
Мне кажется, что рано или поздно
Заслуги всех учтутся и вполне:
Кто нам вредил коварством скрупулезным,
Получат то, что не представить мне.
И день придёт – и мы простим друг другу
Всё худшее, ушедшее от нас,
И бесконечно будем слушать фугу
На новый лад из просветлённых глаз.
Мне кажется...

«На обиженных возят воду...»

На обиженных возят воду.
А на брошенном – что?
Я такого не видел сроду,
Чтобы все, а потом – никто.
Прокажённому – далёкий остров.
Ну а выжитому – куда?
Лишь погнулся из нервов остов,
Но сломаться – никогда!
Убиенному – мрак могилы.
А живому – мрак чего?
Пусть избитого не доби́ли,
Только жить ему для кого?!

ГОЛУБИ

А в небе голуби летают,
А в небе голуби летят.
А на земле твой друг мечтает,
Мечтает тихо, птицам в лад.
Широкий двор гудит невнятно,
В лапту играет детвора;
На крыше – мальчик, голубятня
И гул широкого двора.
В углу двора в тени каштана
Твой друг задумчивый сидит
И о тебе мечтает тайно,
И тихо, в тон душе твердит:
«Летите, голуби, летите!
Моей голубке донесите,
Как я соскучился по ней
В печали одиноких дней.
Скажите ей: тоскою полон,
Я каждый миг с любимой помню:
Вот здесь, в углу, в густой тени
Мы проводили наши дни;
Как мир прекрасен был и ярок!
Как жизнь писалась без помарок!
И как в один жестокий день
Каштана благостная тень
Не осенила силуэта
Той, от кого я жду привета,
Кого по-прежнему люблю...
Летите, голуби, молю!».
Но двор гудит и поглощает
Слова любви, слова тоски.
А в небе голуби летают,
Людским тревогам не близки.

ПРО ВАС

А в вас не проснётся ни совесть, ни честь:
Вы в мелочной сваре ничтожны и жалки;
И каждого ждёт беспощадная месть,
Кто вместо хулы скажет слово «фиалки».
А вам не доступны высокие сны,
Постичь не дано вам мотивов небесных:
Вы в чёрствости, подлости злобно грязны,
Любовь низводя до пороков телесных.
А вы никогда не познаете тайн
Великой природы всего мироздания:
Вы только и знаете «дай» и «отдай»,
Снедая друг друга в пылу пожирания.
А вы не сумеете зависть унять:
Мучительно больно, бессонно, смертельно,
Когда у кого-то в душе – благодать,
Когда у кого-то чуть лучше нательно.
А вам – быть вассалами денежных каст,
Лизать и лизать вам зады прохиндеям;
И всякий как бог, кто копейку вам даст;
И вечно служить вам корыстным идеям.
И вас не допустят, бездарных и злых,
Ни ныне, ни присно служители Бога
До райских блаженств и до праха святых,
И гнать будут вечно от храма порога.

«Я пронесу мой крест до самого конца...»

Я пронесу мой крест до самого конца.
Пусть выжили меня, облили клеветой,
Пусть я давно не вижу твоего лица
И пусть мне суждено убитым быть Мечтой —
Не откажусь, не отрекусь, не сброшу крест! —
Пройду сквозь частокол предательств и измен;
И будет мне в конце наградой Благовест —
Моим мучениям, страданиям взамен.

КЛЯТВА

Клянусь безумием страстей,
Клянусь истерикой бездарных,
Что никогда в судьбе моей
Не будет женщин лучезарных.
Клянусь глумлением врагов,
Клянусь упадничеством дружбы,
Что не покину берегов
Души во имя выгод службы.
Клянусь прозрением слепых,
Клянусь устоями бездушных,
Что не прощу во снах моих
Себе подвалов безвоздушных.
Клянусь ушедшими на миг,
Клянусь уснувшими навеки,
Что отрекусь от мудрых книг,
Коль не прочтут их человеки.
Клянусь блуждающей судьбой,
Клянусь изменчивой любовью,
Что не увидимся с тобой,
Пока есть поводы злословью.

КНИГА ЖИЗНИ

Переиздать бы книгу жизни,
Да где издателя найдёшь,
Когда всё время укоризны
Меняют истину на ложь?
В плену потрепанной обложки
Листы, как будто в кандалах,
Передвигают еле ножки
В одном порядке и впотьмах.
Не поменяешь их местами,
Не зачеркнёшь по одному,
Не перепишешь их страстями
И повелением уму.
И всё читаешь и читаешь
Так, как написаны они,
И лишь мучительно гадаешь
Про предначертанные дни.
Не всё приемлемо для сердца —
Иного хочется душе,
Но никуда от строк не деться —
Судьба расписана уже.
И лишь одно как утешенье —
Пустое рвенье в благодать:
То – книги жизни оформленье
Хотя бы внешне поменять;
Переиздать её, и новой
Обложкой истину и ложь
Объединить мудрёным словом.
Да где издателя найдёшь?

ВЕСЕННИЙ ВЕТЕР

Прилетит весною ветер
Из далёких, чуждых стран
И расскажет, как на свете
От сердечных лечат ран.
Он откроет мне секреты,
Чем прельщают там девиц,
Как влюблённые поэты
Нарушают стыд границ.
Он поведаёт баллады
О любви и о смертях,
И о том, как серенады
Утоляются в страстях.
Он расскажет всё, что слышал
О делах сердечных смут
И о том, зачем я вышел
В поле, бросив свой уют.
Объяснит мне ветер вешний,
Отчего мне хорошо,
И внушит варяг утешный,
Что покой я здесь нашёл.
И вдохну я полной грудью
Ветра свежесть, блажь и новь,
И задам вопрос безлюдью:
Где же ты, моя любовь?

«Как всё красиво начиналось!..»

Как всё красиво начиналось!
Медлительно, из часа в час
Святой любовью наполнялось
Всё окружающее нас.
В саду цветы благоухали,
Звучала музыка, как трель,
Деревья тенью увлекали
К пруду, где плавала форель.
Как всё красиво начиналось!
Я видел блеск прозревших глаз:
Во мне всё сущее влюблялось
Во всё исполненное Вас.
Мы наших чувств не избегали,
Мы не скрывали наших встреч.
В саду цветы благоухали,
Когда я слушал Вашу речь.
Как всё красиво начиналось!
Я Вас любил, молясь на Вас,
И был любим, как не мечталось!
...Но люди разлучили нас...
В саду цветы давно увяли;
Ни звука в снежной тишине;
Деревья тени потеряли,
И что-то рухнуло во мне.
А как всё мило начиналось...

«Подальше от людей, куда-нибудь в тайгу...»

Подальше от людей, куда-нибудь в тайгу,
Куда-нибудь в печаль, подальше от молвы:
Я потерял тебя и больше не могу
Жить в пустоте души и в бреднях головы.
Подальше от людей, куда-нибудь в моря,
Куда-нибудь в тоску, подальше от себя.
Восходит для кого ненужная заря?
Ослепнуть бы с утра! Я потерял тебя...
Подальше от людей, куда-нибудь во тьму,
Куда-нибудь в слезу, подальше – навсегда.
Нам было хорошо! Но люди почему
Нам наносили вред, поймём ли мы когда?
Подальше от людей, куда-нибудь во смерть,
Куда-нибудь во прах, подальше – на века!
Я потерял тебя! К чему мне эта твердь,
Коль безнадёжно ты, родная, далека?

«Не бери заживших ран...»

Не бери заживших ран
Игрой лукавых взоров:
Я сыт уже, я – истукан
Для страстных разговоров.
Не прикасайся, не ласкай,
Не улыбайся мило:

Я посещал твой нежный рай —
И мне с лихвой хватило.
Не обнимай и не зови
В соблазны и утехи:
Я все желания любви
Замуровал в доспехи.
Не искушай, не обольщай:
Я жить хочу в покое.
Отстань, красавица, прощай...
Ой! что это такое?
Постой! постой! не уходи,
Поборница нирваны!
Ну, так и быть, побереди:
Не все зажили раны!

«Образ стройный, образ нежный...»

Образ стройный, образ нежный
Мне является в ночи;
Промелькнёт в одежде снежной
И исчезнет в тень свечи;
В сердце смутное навеет,
Боль былую возродит;
Не убьёт и не согреет,
Память лишь разбередит.
Образ строгий, образ жгучий,
Ты оставишь ли меня?
В сон спасительный, дремучий
Провалиться жажду я!
Ну, за что мне эти муки?
В чём вина моя, в чём грех? —
Я живу во тьме разлуки,
Я живу вдали от всех.
Образ тайный, образ вечный,
Нас не ждёт с тобой венец.
Но в одежде подвенечной
Мне какой сулишь конец?

«О, не лишай меня возможности любить! ...»

О, не лишай меня возможности любить! —
Любить тебя такой – необъяснимой,
Любить тебя такой – невыносимой,
И до последних дней тебя боготворить.
О, не лишай меня безумия страдать! —
Страдать во тьме ночей – неумоимо,
Страдать во тьме ночей – непоправимо,
И, веруя в тебя, поверить в благодать.
О, не лишай меня бесправия уйти! —
Уйти от горьких слёз – неистоцимых,
Уйти от горьких слёз – неударжимых,
И в бесконечном быть к твоим глазам пути.

«Опадает листва на аллеи...»

Опадает листва на аллеи,
Ветер музыку ищет в листве,
И как будто пытаются феи
Эту осень унять в колдовстве.
Не стихают ни шум листопада,
Ни тоска опечаленных глаз.
Бесконечная осень! не надо! —
Прекрати колдовать не для нас!
Мы теперь у Природы в опале:
Прогремела слепая гроза,
И анафемы с неба упали
Во влюблённые наши глаза.
Ни дожди, ни ветра, ни прохлада
Ничего не смогли объяснить.
Так зачем же волшебство листопада
В нас пытается свет возродить?
Не мешай, злополучная осень,
Нам ни видеть, ни слышать тебя:
Индульгенций фиктивных не просим;
Дай лишь просто уйти нам в себя.
Пусть листва наполняет аллеи,
Ветер музыку ищет в листве,
Но уймите, пожалуйста, феи,
Эту осень в её колдовстве!

«Ты выбрала себе не тех подруг ...»

Ты выбрала себе не тех подруг —
Завистливых, ничтожных, злоречивых.
Они ввели тебя в порочный круг,
Для них, развратных, свойский и привычный.
Ты поддалась, не понимая зла;
Поверила коварным подговорам.
Наивная! нисколько не ждала,
Что сплетни станут вечным приговором!
О, злобный рок красавиц расписных!
О, желчь людей – красивое изгадить!
Ничто не может переделать их.
И Бог бессилён что-либо наладить.

«Ты предпочла меня предать...»

Ты предпочла меня предать.
Ну что же, будь по-твоему:
Ведь я давно привык страдать —
Так жизнь моя устроена.
Бывает, ветер парусам
Внушает сокровенное,
А после их срывает сам
Порывами мгновенными.
Бывает, облако собой
Наобещает светлое,
А после тучей грозовой
Порочит всё заветное.
Бывает, солнце в божий день
Сверкает вдохновением,
То вдруг на всё бросает тень
Печалющим затмением.
И не берусь я осуждать
Твоё решение резкое.
Ты предпочла меня предать.
Ну, хоть причина веская?

«Пусть ничтожные будут ничтожны...»

Пусть ничтожные будут ничтожны.
Пусть продажные будут продажны.
Нам с тобой друг без друга – невозможно.
Ну а всё остальное – не важно.
Пусть несчастные будут несчастны.
Пусть угрюмые будут угрюмы.
Под Луной нам вдвоём сладострастно —
Значит, прочь, невесёлые думы!
Пусть коварные будут коварны.
Пусть лукавые будут лукавы.
Наши взоры всегда лучезарны
И в надуманной сплетнями славе.
Пусть враждебные будут враждебны.
Пусть недужные будут недужны.
Нам чужое добро – не потребно.
Лишь бы в наши не плюнули души!

«Не грусти, не печалься, не плачь...»

Не грусти, не печалься, не плачь:
Всё пройдёт, и забудется боль.
Ты сыграла не лучшую роль
В круговерти своих неудач.
Не печалься и в слёзы не верь:
Впереди новый день и заря;
Неудачи бывают не зря —
Значит, будут удачи теперь.
Не печалься, не плачь, не грусти;
Свою душу зарёй обнови,
И воскресшей из праха любви
Не противься тебя обрести.
Не грусти и меня не печаль.
Виноваты мы оба с тобой:
Мы играли не нашей судьбой
И марали не нашу скрижаль.
Не грусти, не печалься, не плачь.
Как ребёнка, тебя усыплю
И во имя того, что люблю,
Напою тебе песню удач.

«Перестань, дорогая, тужить...»

Перестань, дорогая, тужить:
Успокоилась буря души.
Ты все боли в себе заглуши:
Их не стоит теперь ворошить.
Что прошло – то прошло, не видать.
Что ушло – то ушло, не забыть.
Не страдая, не сможешь любить,
Не любя, не достойна страдать.
Успокоятся волны морей,
Обезвожатся тучи небес.
Я когда-то из ветра воскрес —
Ты воскреснешь из песни моей.
Не тужи, не грусти, улыбнись.
Успокоилась буря души,
Успокоились сплетни во лжи,
Успокоилось всё. Обновись.
Перестань же, родная, тужить.
Лабиринтно в судьбе непростой.
Если ты распрощалась с мечтой —
Значит, дальше не стоит и жить.

«Любимая, выслушай! Я не виновен...»

Любимая, выслушай! Я не виновен,
Что людям так нравится сплетни плодить.
Я грешен лишь в том, что я слишком духовен,
Что я не обучен порочно любить.
Любимая, милая, хрупкая, нежная,
Ну, как мне тебе объяснить холода?
Ведь ты – неземная, иная, нездешняя,
Ведь ты посещаешь меня иногда.
Любимая, в жизни, где я не виновен,
Так часто виновным я вдруг становлюсь;
И как ни стараюсь – мой образ условен;
И мнится, другого вовек не дождусь.
Любимая, хрупкая, нежная, милая,
Ну, разве ты бросишь меня одного?
И разве Мечта улетит легкокрылая
И мне не оставит взамен ничего?
Любимая, выслушай! Я – не виновен!
За то, что духовен, не надо казнить.
Вини этот мир, что он так бездуховен,
Что этого я не могу изменить.

«Я вышел ночью навстречу звёздам...»

Я вышел ночью навстречу звёздам,
Навстречу грусти, навстречу боли.
Душа молчала – ей было слёзно:
Она лишалась последней воли.
Вокруг – беззвучно. Ни отголоска
Забывших вёсен, былых свиданий.
Твой образ где-то вдали, из воска
Плывёт как будто в туман гаданий.
Стою у края, не веря в тени,
Не веря в образ. В душе – рыдания.
Ничто не тронет сердечной лени,
Никто не ввергнет уже в страдания.
Устало память былое узит.
Твой образ где-то в тумане сером.
Гнетёт молчанье. В печали музы.
Прощаюсь грустно с последней верой...

ВОПРОСЫ – ОТВЕТЫ

Ты спросила, проживу ли
Без твоих небесных глаз?
Мой ответ ветра продули:
«Проживу, но только час».
Ты спросила, а смогу ли
Без твоих янтарных губ?
Мой ответ дожди смекнули:
«Не смогу: я – однолюб!».
Ты спросила, не умру ли
Без твоих пьянящих рук?
За меня снега взгрустнули
Белой невидалью выюг.
Ты спросила, протяну ли
Без твоих метровых ног?
Тополя ответ шепнули:
«Что за бред?! Уж лучше в морг!».
Ты сказала: «Боже правый!
Ну, какой же ты дурак!».
За меня мой чёрт лукавый:
«Что ж, дурак; пусть будет так!».

«Больше не надо, больше не надо...»

Больше не надо, больше не надо
Этих страданий, этих разлук,
Этой мольбы оголённого сада,
Этой резни неоправданных мук.
Остановись, дорогая, довольно!
Что мы получим в итоге всего?
Если живём беспощадно раскольню —
Что мы получим в конце? Ничего!
Хватит, любимая, хватит, родная!
Мир и без нас переполнен враждой.
Будь же, как прежде, во всём заводная,
Будь же, как прежде, блестящей звездой.
Выплачь последние боли, обиды,
Стрелы ресниц озорно подведи
И никогда не показывай виду,
Что у тебя громоздится в груди.
Всё! успокоился в злобе торнадо:
Тихо, спокойно, беззвучно вокруг.
Больше не надо! больше не надо
Этих страданий, этих разлук!

«Когда во мне проснулся дар...»

Когда во мне проснулся дар,
И видеть стал я тайны мира,
Вдруг забренчала скорбно лира
Про мировой души пожар.
Я все страдания людей,
Все их мучения и слёзы
Сквозь жизни тьму и зла угрозы
Вбирал в простор души моей;
И душу мира и свою
Хотел я сблизить новой песней,
И высшей благостью небесной,
Я думал, их в одну солью.
Но все старания мои
Людьми различно отвергались:
Они смеялись и ругались,
И проклинали суть любви.
Они кричали: «Эй, поэт,
Вали отсель! Ты нам не нужен!
Мы даже Богу здесь не служим,
И на земле пророков нет!».
И я бежал от них в леса.
Теперь отшельник я угрюмый;
Теперь мои мечты и думы
Читают только небеса.

«Как сильно я в тебе ошибся!..»

Как сильно я в тебе ошибся!
Какой позор я испытал!
Я с целым миром в драке сшибся
За непонятный идеал.
Как сильно я в тебе ошибся.

Что затуманило мне разум,
Когда я нервно отметал
Предупреждения проказы —
Ты далеко не идеал.
Что затуманило мне разум?

Как сильно я ошибся, Боже,
Когда так глупо воспевал
То, что нормальный не пригожит
Высоким словом «Идеал».
Как сильно я ошибся, Боже!

Но жизнь ещё не на исходе:
Ждёт впереди десятый вал.
Ведь где-то должен быть в природе
Тот самый Высший Идеал!
Да, жизнь ещё не на исходе!

«Земля дышала полночной дрёмой...»

Земля дышала полночной дрёмой,
По полю ветер летал угрюмый;
Трава прильнула к фасаду дома,
Где я оставил былые думы.
Я помню смутно, росла черешня
Вдали от дома, у той ограды;
Там образ тонкий скользил неспешно
На фоне звёздном чужой отрады.
Я был нездешний, я был изгоем,
Я был отвергнут, я был непрошен,
Но веял образ в меня покоем,
И мне забылось, что я изношен.
С тех пор дышалось душе любовью,
Чужая радость во мне таилась,
И сокровенной я нежил болью
То, что в гоненьях не изменилось.
И долго годы, как сон бессрочный,
Во мне хранили тот образ тайный;
И вот я снова, как в час урочный,
Слежу движенья во мгле астральной;
Быть может, чудом у той ограды
Тот образ дивный увижу снова,
И новой силой чужой отрады
В остаток жизни повеет слово...

«Я не повесился вчера...»

Я не повесился вчера,
Не застрелюсь сегодня.
О жизнь моя, ты – как игра!
Ты, как плохая сводня,
Наобещаешь, насулишь,
А глядь – во всём прореха:
Как будто я – в потёмках мышь,
Чтоб грызть кору ореха.
О жизнь моя, уймись играть,
Довольно куролесить!
Не заставляй меня стрелять
В тебя или повесить.
И без того житейский гнус
Бесчинствует и гложет.
Но завтра я не отравлюсь
И послезавтра тоже.
Так, перестань, угомонись,
Дай подышать свободно,
Моя пророческая жизнь,
Моя игра и сводня!

«Спасибо, милая, за твой отказ...»

Спасибо, милая, за твой отказ,
За беспричинную измену,
За ложь речей, холодность глаз,
За ненадрезанную вену.
Спасибо, милая; ты стала той —
Из прошлых лет себя вернула
И, как обычно, наготовой
Меня, как прежних, обманула.
Спасибо, милая, за мой позор:
Ты надо мной теперь смеёшься
Со всеми вместе; в общий хор
Хулы в мой адрес изольёшься.
Спасибо, милая: и я прозрел!
Но не скажу я на прощанье,
Чего хотел и не хотел,
В твоё поверив обещанье...

«Я был когда-то радостным...»

Я был когда-то радостным,
Я жил среди людей
И предавался сладостным
Мечтам в тиши ночей.
Но чем я глубже вхаживал
В законы бытия,
Меня обескураживал
Всевышний Судия:
Как будто так положено —
Святое на земле
Пороками низложено
В кошунствах и хуле;
Бесчинствуют кликушество
И грязные дела,
А Он во всемогуществе
Не прекращает зла.
И люди – безнаказанны;
И люди – без добра;
Бравируют проказами
С утра и до утра:
«Мы все в душонках – подлые;
Мы все в сердцах – рабы;
Интриги любим модные
И похоти гульбы.
Но мы живём актёрами,
И внешне – лучше мы;
Всё худшее – за шторами
Из маскарадной тьмы».
И, углубившись в гадости
Людского бытия,
Мои исчезли радости.
С тех пор печален я.
С тех пор от лицемерия
Вдали живу один.
Лишь прошлые поверия
Услада для седин.

«Погрузившись в заумные книги...»

Погрузившись в заумные книги,
Я увидел забытые сны:
Будто где-то невнятные крики
Прерывают покой тишины;
Мне привиделись, будто во мраке,
Твои губы и плечи, и стан;
Ты, смеясь, подавала мне знаки
И звала в истомлённый туман.
Но зачем ты зовёшь и смеёшься?
Но зачем возрождаешь мечты?
Ведь, как прежде, змеёй изовьёшься
И отравишь безумием ты.
Не зови, не мани! Я не встану,
Не пойду в новый ад за тобой:
Я не верю тебе и туману;
Я глухой для тебя и слепой.
Уведи же лукавые блики —
Свои губы и плечи, и стан:
Мне милее заумные книги,
Чем о прошлом бульварный роман.

СНОВА ВМЕСТЕ

Ты сидишь у себя на дому
У окошка, грустна и бледна,
И в печальную смотришься тьму,
Где минувшая боль не видна.
Без надежд, без мечты, без любви —
Ты не ждёшь от судьбы ничего.
Лишь стихи вспоминаешь мои
Продолжением сна своего.
Беспросветная тьма – не исход.
Беспризывная жизнь – не итог.
Был неправдами вызван уход,
Был нечестен зарвавшийся «бог».
Завтра солнце в окошко войдёт.
Завтра двери твои отопру,
Улыбнусь и скажу тебе: «Вот,
Я вернулся – и это к добру».
Ты обнимешь меня, как тогда —
Перед самым уходом ко дну —
И шепнёшь мне: «Разлука – беда!
Не бросай меня больше одну».
Я тебя обниму, как всегда,
В твои волосы слёзы пролью
И скажу: «Не уйду никогда!
Ты – мой воздух! Тебя я люблю!».
И сердечко твоё оживёт,
И мечты возродятся твои,
И единственный Бог ниспошлёт
Веру чистую нашей любви.

«Угомонись! я больше не могу...»

Угомонись! я больше не могу,
Я больше не хочу пылать пожаром:
Пусть ты дана божественным мне даром,
Я всё равно тебя не сберегу.
Угомонись, любовь, – я стар и слаб,
И за тобой уже не успеваю;
Всё, что прошло, смущённо забываю,
Как жизнь свою освобождённый раб.
Не прорастёт опавшая листва.
О, перестань! Агония – излишня:
Не разгорятся пламенно и пышно
Вчерашний день, вчерашние слова.
Угомонись, любовь! Не стоит слёз,
К чему возврата нет и восхищенья;
Но благодарность будет утешеньем
Всему тому, что было в блесках грёз.
Угомонись, прошу, угомонись! —
Высокое не путают с ничтожным.
Я не хочу молиться ликам ложным.
На этом всё! Навеки удались!

ГАЛИНЕ

Я знаю, мы встретимся с Вами
Когда-нибудь в дальних краях,
Я буду Вас тешить стихами,
Вы будете охать сквозь «Ах!».
Я знаю, я чувю, я верю,
Что Ваша «Галинная» звень
Подарит поющему зверю
Один романтический день.
Я знаю, Галина, Вы тоньше
Всей этой безумной толпы,
И стоите явственно больше,
Но очи Фортуны слепы.
Я знаю, судьба – не игрушка.
Я сам доигрался в любовь:
Моя роковая подружка
Мою обесточила кровь.
Я знаю, живут исполины
И гномов не видят в упор.
Но Вы как-то странно, Галина,
На мне задержали свой взор...

ЗВЕНЬ

Это было со мной в бесконечную звень:
Я пытался пройти по следам мотыльков
И хотел отыскать тот единственный день,
Где я счастливо жил без любовных оков.
Исчезали следы, день таился в цветах,
Спотыкалась душа о звенящую дрожь,
И никак я не мог, целомудрен в мечтах,
Любопытством унять небывалую ложь.
Я себя вырезал из просторов любви,
Выкорчевывал сны из мучительных грёз,
Но звенела трава, пели в боль соловьи,
И не мог я сдержать вытекающих слёз.
И опять, и опять разрывалась душа;
И конец – не конец; всё – сначала и вновь;
И проклятие жгло мёртвый рай шалаша;
И дышала во звень роковая любовь.
Это было со мной сотни, тысячи раз:
Я пытался найти свой единственный день,
Где я холоден был к чарам ветреных глаз,
Но сбивала с пути бесконечная звень.

ПУТНИК

Путник печальный зачем-то в пустыне
Ищет цветы обманувшей святыне:
Чистые чувства, глубокие боли
Ей не нужны от изгнанника боле.
В этом жестоком, предательском мире
Не разглядел он коварства в кумире.
Был бы другой кто, фантому послушный,
Бросил бы муки и жил равнодушно.
Путник же в мрачном бесслёзном молчанье
Всё продолжал свою участь печально.
И поглощала изгнанника даль...
Благословенна святая печаль!

НАЙДИ МЕНЯ

Найди меня среди людей,
Найди меня среди пустыни.
Демонстративной благостыни
Избегни тайной лебедей.
Найди меня вразрез хуле:
Пусть я бездарностями свергнут,
Мои творенья их отвергнут,
Похоронив их в их же зле.
Найди меня в красивых снах,
В бескрайней звёздности мечтаний,
И новой жгучестью свиданий
Не обращай меня во прах.
Найди меня, как свет – глаза,
Как ветер – парус, птица – небо.
Но от судьбы затем не требуй,
Чтоб разлучила нас гроза.
Найди меня во цвете дня,
Найди меня во мраке ночи;
Назло другим, иным и прочим
Ты всё равно найди меня!

«Я не смог объяснить...»

Я не смог объяснить
Этим людям себя.
Я не смог отлучить
От коварства тебя.
От меня отреклись
Даже песни мои.
О ослепшая высь,
Где защита любви?!
Роковой хоровод
Гномы водят вокруг.
Неудавшийся год:
Обезумевший друг,
Обезумевший враг,
Беспощадный исход,
Неуверенный шаг,
Безвозвратный уход,
Оскорблённая честь,
Неисполненный долг,
Затаённая месть,
Злоязычия толк.
Объяснить – не понять.
Не поняв – не простить.
Не простив – не унять
То, что жжёт объяснить.
Только стоит ли рок
Преклонённых колен?
Я не смог, я не смог
То, что смог суверен.

О ЛЮБВИ

Опять и снова соловьи,
И вновь и заново влеченья.
О, это счастье и мученья
Врасплох заставшей нас любви!
В который раз одно и то же:
Стихи и слёзы, страсть и кровь,
И рифма вечная «любовь».
Как всё привычно и похоже!
Но вновь и вновь душа горит,
И сердце пламенно пылает,
И разум медленно теряет
То, что потом не освятит.
И повторяются свиданья,
И темы старые звучат,
И в них таинственно зачат
Зародыш нового страданья.
Нам всё известно о любви:
Исход её всегда в печали.
Но снова ждём любви начала:
О, пойте, пойте, соловьи!

«О, не спеши! – разлука подождёт...»

О, не спеши! – разлука подождёт:
Она ещё успеет насладиться
Тем, что уже никак не повторится,
Тем, что уже бывшее не сожжёт.
Не торопись... лишь несколько минут
Отводит нам судьба... давай не будем
Друг другу говорить то, что забудем,
Что небеса нам в пользу не зачтут.
Любимая, предчувствие меня,
Увы! не подвело, не обмануло...
И всё же будь среди суетного гула
Отмечена весельем бытия.
Бывшее счастье повтори с другим;
Пусть будет он, подобно мне, счастливым,
Когда твоим лукавством молчаливым
Я жил в тебе, как в небе – херувим.
Но ты спешишь... но ты уводишь взгляд...
Ну что ж, прощай... не будем целоваться...
Как жаль, что так бездарно расставаться
Пришлось нам в день, когда закрылся ад...

ПРОСТИ МЕНЯ

Прости меня, и я уйду,
Уйду из снов твоих обвальных
И из обид сакраментальных
В молвой дымящемся чаду.
Прости меня, и я уйду,
Не затаив угрозы мщенья
Тому, кто вверг меня в лишенья:
Ему – и так гореть в аду.
Прости меня, и я уйду,
И унесу воспоминанья
Про наши редкие свиданья
В незабываемом саду.
Прости меня, и я уйду:
Насильно мил вовек не будешь.
И я прощу, и ты забудешь
Любви агонию в бреду.
Прости меня, и я уйду.
Найди в себе благие силы.
И пусть грядущие мессии
Благословят твою звезду!

«Я не выдумал эти страдания...»

Я не выдумал эти страдания
И тоску, и печаль, и хандру,
Этот сумрак и боль увяданья,
Эту грусть на весёлом пиру.
Соблазняла, манила и пела,
Уводила бог знает куда
Мои мысли и душу, и тело,
И покрытые мраком года.
Я не понял, как страшные чары
И безумные ласки твои
Мой завет обескровили старый —
Не прельщаться соблазном любви.
Я не знаю, что было со мною,
Но когда меня бросила ты,
Я распят был во тьме тишиною
На кресте роковой пустоты.
Почему я не умер чуть раньше,
До погибельной встречи с тобой?
Жизнь моя, жертва бедная фальши,
Назовёшься ли горько судьбой?

НЕВЫРАЗИМОЕ

Безысходная, осенняя
Белым облаком вошла.
Веют боли от Есенина,
Всюду Блоковская мгла.
Поцелуи предзакатные,
Эхо смутное: прощай-й...
В небе призраки фрегатные
Не зовут в туманный край.
Исчезает, растворяется
Силуэт смятенных дней:
То ли облако теряется,
То ли тень чужих очей.
Недоступные объятия,
Безнадёжное «прости»...
Тайный холод неприятия
Ускользнувшего пути.
Персиянка ль, незнакомка ли
В осень вьюгою вошла...
Причитающему скомкали
Душу песни, боль и мгла.

«Я сегодня, весёлый и сильный...»

Я сегодня, весёлый и сильный,
И способный благое призвать,
Выхожу из тоски замогильной
И в твою погружаюсь кровать.
Не ждала, не звала, не томилась:
Ты давно отреклась от меня.
Но заветная тайна открылась
На закате минувшего дня.
Обрекая себя на объятья,
Ты свои не отводишь уста,
И шуршит неуместное платье,
И цепочка не видит креста;
И всё чаще и чаще дыханье,
И всё крепче слияние тел,
И взрывается вдруг мирозданье,
И туманится счастья предел.
О прекрасное изнеможенье!
О божественный жизни исток! —
Ты конец или ты обновленье
Недописанных скрежетом строк?

ВОЛК-ОДИНОЧКА

Серые будни, чёрные ночи.
Волк одинокий, волк-одиночка
Вытеснен, изгнан, затравлен, оболган;
Бывшие друзья – отверженцы долга.
Тёмные чащи, тёмные степи.
Взоры – изгоя, думы – как цепи;
В сердце – печаль, в движеньях – свобода;
Волк – одиночек; опора – природа.
Помнят деревья, помнят овраги
Битву неравную волка-бродяги:
Свора собачья, стая шакаля;
Волк был один; судьбина – каналья;
Грозно рычали собаки, шакалы —
На одного ополчились оскалы.
Волк неподвижен; застывшему мнится,
В стае шакалов – бывшая волчица.
«Милая, ты ли?». В ответ же трусиха:
«Их – большинство! Я – шакалиха!».
«Что ты! опомнись!», – и вытекли слёзы...
Ветер умолк... приутихли берёзы...
«Ты мне не нужен, больше не нужен:
Избранный падальщик станет мне мужем!
Видишь – их больше! сила – за ними!
Я – с большинством! Ты же – гонимый!».
«Как же, родная? Это неверно...».
«Я понимаю, выгляжу скверно...
Но так заложено в нашей культуре —
Каждый печётся о собственной шкуре».
Так полоснула, как по сердцу бритвой!
И разразилась неравная битва:
Кинулись разом шакалы, собаки;
Чёрный вожак затаился во мраке.
Волк не укрылся, волк отбивался
И не сдавался, но не сдавался!
Битва пылала, битва лютела;
Сердце в крови, изодрано тело;
Всюду – клыки, морды собачьи,
Морды шакаля; души – незрячи;
И окружили, и затравили,
Но не убили, но не добились...
...В дальних просторах надежда ютится,
На горизонте сверкает зарница.
Всё в этой жизни иль ямы, иль кочки.
В голой степи – волк-одиночка.
Лучше быть волком, пусть одиноким,

Чем быть шакалом стадно-убогим!

«Когда подлец улыбкой блудной...»

Когда подлец улыбкой блудной
Тебя в порочное ввергал,
Как в эти дни мой дух страдал
В своей истоме безрассудной!
Как я пытался удержать
Тебя от ветреных падений,
Твоих опасных заблуждений,
Что с ним положено лежать!
Как я метал и рвал, и бился
О стену мрачной головой!
Но всё напрасно! Роковой
Исход коварно совершился.
И всё ж настанет, верю я,
День неминуемой расплаты —
И предводителя разврата
Настигнет кара бытия.

«У тебя я, конечно, не первый...»

У тебя я, конечно, не первый.
Но твоя бесподобная статья,
Может быть, будет мною шедевры
О высокой любви создавать.

«И если мир вдруг вздумает прославить...»

И если мир вдруг вздумает прославить
Нашедшего покой в безумии своём —
Как я хотел бы, милая, оставить
Тебе всё то, что в будущем моём!

СЕГОДНЯ

Я вам сегодня расскажу,
Как был я предан миражу,
Как не сберёг я головы
Под гильотиною молвы.
Я вам сегодня объясню,
Как погубили вы весну,
Как ваши гиблые дела
Плодили ложь и подлость зла.
Я вам сегодня не воздам
За клевету и сплетен хлам,
За то, что милая моя
Теперь не верует в меня.
Я вам сегодня не в упрёк
Скажу, что мой настанет срок —
И всё, что мне пришлось познать,
Я обращаю вам в благодать.
Я вам сегодня всё прощу! —
И даже то, что я грущу
Об ускользнувшем мираже,
Что я не тот, кем был, уже.

«Я всё равно люблю тебя...»

Я всё равно люблю тебя.
Ты у меня одна такая.
Страдать мне нравится, любя,
Любить мне нравится, страдая.
Как много зла и клеветы
Мы пережили в эти годы,
Не отрекаясь от мечты
Пустым завистникам в угоду!
Им не понять, чем жили мы:
Чужое счастье нищих бесит.
Но верь, мы вырвемся из тьмы:
Природа всё уравнивает!
Пускай сейчас мы лишены
Высоких тайн святых волнений,
Когда нам были не страшны
Порывы сладких вдохновений,
Но будет жизнь ещё светлей,
И солнце – ярче и огромней;
И мы для новых чистых дней
Забудем все былые громы.
И оттого во мне трубят
Слова, страданиям потакая:
Я всё равно люблю тебя! —
Ты у меня одна такая!

ДЕРВИШ

«Куда ты держишь путь,
Куда дорогу держишь?».
«Туда, куда-нибудь, —
Ответил тихо дервиш.-
Мне всё равно, куда —
Подальше бы от злобы:
С людьми – одна беда».
И мы умолкли оба.
И долго молча шли
Мы с ним одной дорогой,
И не было вдали
Приютного порога,
И каждый о своём
Молчал, как о святыне.
Уж ночь. И мы вдвоём
Уже брели в пустыне.
У каждого своя
В душе и боль, и мука.
Как сущность бытия —
Печали и разлука.
Устав, присели мы
На перекрёстке ветров —
Два странника из тьмы
Исчезнувшего света.
И дервиш, будто вдаль,
Промолвил отрешённо:
«Бескрайняя печаль —
Лишь тем, кто жил влюблённо.
Благословен, кто знал
Любви высокой тайны.
Поверь мне, Идеал
Дается не случайно».
Всю ночь и до утра
Витал мираж далёкий.
Былое как игра
Предстало вдруг в истоке.
И молча встали мы,
И в путь-дорогу снова
И с лёгкостью сумы,
И с тяжестью былого.
И каждого свои
Жгли боли многократно.
Недолог путь к любви,
Но долог путь обратно...

СПАСИБО

Благодарю Тебя, Создатель,
За смертный ток в моей крови,
За то, что друг всегда предатель,
За то, что нет любви в любви,
За то, что пагубное в силе,
За то, что чистое в грязи,
За то, что канули мессии
В связи с Тобой и не в связи;
За бесконечное в конечном,
За вечность мига, и за то,
Что мне в лицо плюётся встречный,
А я не ведаю, за что.
Благодарю за униженья,
За изобилие ослов,
За столь мучительное жженье
Неизречённых мною слов.
Благодарю за даль в тумане,
Благодарю за близь в дыму,
За жизнь, прожитую в обмане,
За предстоящий шаг во тьму.
Благодарю Тебя врагами
И прахом сгинувшей мечты
За то, что прошлыми веками
Я одурманен, как и Ты.
Благодарю за благодарность,
Мной исторгаемую в ночь,
За гениальность и бездарность
Моих стихов, их бред и сочье.
Благодарю, что сквозь несчастье,
Толпой затоптанный певец,
В Твоём сомнительном всевластье
Не усомнился я, Творец!

«Нет, ты не вспомнишь обо мне...»

Нет, ты не вспомнишь обо мне,
Когда с другим начнёшь ласкаться,
Когда твой шёлк на простыне
Не передумает плескаться.
Нет, ты не вспомнишь обо мне.

Любимая, в моей стране,
Где даже воздух дышит новью,
Чинары просят при луне,
Чтоб ветер нежил их любовью.
Но ты не вспомнишь обо мне...

Себя поставлю я к стене,
Вообразу тебя с винтовкой,
Сознаюсь в призрачной вине
И прикажу: «Стреляй, плутовка!».
Нет, ты не вспомнишь обо мне.

Пройдут года, и в седине
Необратимости зеркальной
Я буду где-нибудь вовне
Твоей безлюдности печальной.
Нет, ты не вспомнишь обо мне.

Нет, ты не вспомнишь обо мне
И там, где нет, кого обидеть,
Кого любить наедине,
Кого прилюдно ненавидеть...
Нет... ты не вспомнишь обо мне...

«И мне хотелось быть таким...»

И мне хотелось быть таким,
Каким был тот, сказавший мудро:
«Закрой глаза и стань глухим,
Не доверяй слова другим,
Лицо сокрой под маской пудры —
Тогда лишь завтрашнее утро
Ты встретишь, жив и невредим».
Но я не смог. Я вышел в люд
Глупцом распахнутым, как ветер;
Глаза открыл – разврат и блуд;
Слух обострил – хула иуд;
В лицо плюют, улыбку встретив...
Но я не проклял всё на свете
И в ночь вершу свой смертный труд.

«Ты не сказала «До свидания...»

Ты не сказала «До свидания»
Тому, кто «Здравствуй» заслужил,
Кто самого себя вложил
В тобой рождённые страдания.
Ступая радостно на трап,
Входя во чрево самолёта,
Во время дальнего полёта,
При свете ярком чуждых ламп,
Какие мысли отгоняла ты,
Гнала какие чувства прочь,
И что смогла ты превозмочь
Вразрез порывам нервной памяти?
Нет, ты не вспомнила его
Ни до, ни после приземленья:
Тобой владели обольщенья
Страны, построившей «Арго».
И вот, когда твои блуждания
Тебя в эдем не привели,
Произнеси с чужой земли
Не сказанное «До свидания»;
И он услышит и простит
Твой дух, подверженный мытарству,
И в миг, когда ты скажешь «Здравствуй»,
Он боль свою уgomонит.

«Сегодня я создам стихи...»

Сегодня я создам стихи
Без лишних слов, без шелухи,
Ещё не ведаю, о чём:
Быть может, о весне с грачом,
А может, просто о любви
Или о вялости в крови;
Вполне возможно, я вернусь
На краткий миг в былую грусть
И как-нибудь посредством рифм
Разворошу забытый миф.
Знать не могу я наперёд,
О чём мне Муза напоёт.
Но знаю я наверняка,
Что ни одна моя строка,
Как дань скитальческой судьбе,
Не прослезится о тебе.

КРАСОТКЕ

А ты хотела бы познать
Свою непознанную душу
И рассказать чужому мужу,
Что своему – не рассказать?
Или, совсем наоборот,
Поведать милому супругу,
Как ты к его ходила другу,
Кривя насмешкой глупый рот?
Иль, может быть, тебе милей
На поводке водить обоих
И от двойных визжать побоев,
Как станет явью суть ролей?
Во что б судьбу не кинул рок,
Молись на третьего болвана,
Чтоб он, не ведая обмана,
Тебя от сечки уволок!

«У меня была зазноба...»

У меня была зазноба,
Ай-да девица была!
Довела меня до гроба,
На погост меня свела.
Ой-да девушка-девица,
Золотые кружева!
Мне теперь спокойно спится,
А она пока жива.
Пусть ей весело живётся!
Эй, вы, братья-кобели!
Всё, что разумом неймётся,
Успокоит мрак земли...

ПОЗДНЕЕ ПРОЗРЕНИЕ

А сколько мне жить осталось,
Кто скажет мне, кто споёт?
Седая моя усталость
К старушке меня ведёт.
Неряшлива и забыта,
Сидит у избушки она,
В разбитое смотрит корыто,
Как будто в корыте – луна.
Ты помнишь, старушка, осень —
Далёкую осень, когда
Тебя я задиристо бросил
В неведомые года?
Мигнула тогда девица
И выпукло двинула стан —
И я полетел за птицей
Слепцом в слепой туман.
Носило меня по свету,
В груди горел пожар...
Причудилось, видно, поэту —
Была то не птица-Жар:
Потешилась и упорхнула —
Как обухом по голове;
Любовь показала дулю
Осмеянному в молве.
Всего натерпевшись вдоволь,
И я у корыта сел.
Но взгляд у старушки – вдовый
В предсмертной седой красе.
И сколько нам жить осталось —
Не так это важно уже:
Моя и её усталость
В моей и её душе.
Но ради её улыбки
Последней, пускай в бреду,
Ловить золотую рыбку
В слезах я к морю пойду.

ПЕСНЯ

Ночь моя сегодня для тебя.
Хочешь, приходи и улыбайся.
Никого на свете не любя,
Жизнь прожить впустую не пытайся.
Ночь моя сегодня для тебя.

Приходи наперекор судьбе,
Вопреки стыду, молве и року.
Я спою о нежности тебе,
О моей печали одинокой.
Приходи наперекор судьбе.

В этой жизни лучшее – любить.
Ты прислушайся, что шепчут звёзды.
Разве можно равнодушной быть
В ночь, когда безумствует сам воздух?!
В этой жизни лучшее – любить!

В ночь мою свободно окунись,
Позабудь все комплексы и страхи,
От одежды вмиг освободись —
Ей не место на любовной плахе!
В ночь мою свободно окунись...

Поутру поймёшь – пришла любовь,
И меня разбудишь поцелуем;
Обниму тебя без лишних слов...
Мы, как надо, чудо истолкуем,
Поутру поняв – пришла любовь...

Ночь моя сегодня для тебя.
Приходи наперекор судьбе.
В этой жизни лучшее – любить.
В ночь мою свободно окунись.
Поутру поймёшь – пришла любовь.

НЕОБХОДИМОСТЬ

Что же нам в жизни надо:
Денег, почёта, славы
Или простой отрады —
Девушки доброго нрава?
Что же нам в жизни надо?

Хочется много денег:
Думаем, с ними – счастье.
Только куда мы денем
Души, когда ненастье?
Что же нам в жизни надо?

Хочется в серых буднях
Радуги и фонтанов.
Разве почётом в людях
Тайные лечат раны?
Что же нам в жизни надо?

Грезятся «медные трубы» —
Льстиво гремят фанфары, —
Но в повседневности грубой
Есть роковые удары.
Что же нам в жизни надо?

Что же нам в жизни надо?
Небо ответит громом,
Общество – чванством уклада,
Горло – смертельным комом...
Что же нам в жизни надо?

Что же мне в жизни надо,
Мне в этой жизни горькой?
Может быть, тихим ладом
Песен о ясной зорьке?
Что же мне в жизни надо?

Падают сверху листья,
Снизу родник струится.
Девушке, сердцем чистой,
Я бы хотел излиться —
Всё, что мне в жизни надо.

Листья плывут по саду
Медленно и красиво.
Девушка ждёт серенаду

Томно и молчаливо.
Что же ещё нам надо?

«Если повсюду гады...»

Если повсюду гады,
Если не слышно песен —
Значит, пора до аду,
Значит, на сердце – плесень.

Стройная, будь стройнее,
Прямо держи осанку,
Чтобы певец, немея,
Жёг для тебя тальянку!

Тонкая, не сутулься,
Не прогибайся бедам.
Если всё в норме с пульсом,
Значит, есть путь к победам.

Тихая, не печалься,
Бальным обвейся платьем:
Если есть ритм для вальса,
Значит, есть и объятья.

Всё ещё будет сочно,
Весело и любимо —
Знаю, так будет точно,
Я, проходящий мимо.

ДЕВУШКА В ТЁМНО-СИНЕМ

Камилле

Этого не просил я:
Девушка в тёмно-синем
Встретилась мне болезно,
Встретилась и... исчезла.

Выпал на сердце иней...
Девушка в тёмно-синем
Сниться мне стала часто:
Может, поверить в счастье?

Я спросил к мессии:
«Девушка в тёмно-синем,
С нашей она планеты?».
Не было мне ответа.

Я вопрошал пророка:
«Девушка без порока —
Разве она земная?».
Молвил пророк: «Не знаю».

Спрашивал я у Бога:
«Девушка-недотрога —
Быль это или небыль?».
Странно смутилось небо.

Крикнул я тайным силам:
«Девушка в тёмно-синем,
Может быть, ваша дочь?».
Молча сгустились ночи.

«Светоч неугасимый,
Девушка в тёмно-синем
Будет моей отрадой?».
«Сам добывай награду!».

«Ветер, скажи мне имя
Той, что теперь любима —
Девушки в тёмно-синем».
«Имя её красиво!».

«Ну, так скажи мне ясно».
«Имя её прекрасно!
Только никто не знает:

Имя она скрывает».

«Птицы, летящие клином,
Девушка в тёмно-синем
Вам не родня случайно?».
«Нет», – и летят печально.

Как не сойти с ума мне
В этой любви бесславной
К девушке в тёмно-синем?
Этого не просил я...

НОВАЯ ПЕСНЯ

Ты, наверно, вышла из тумана —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.